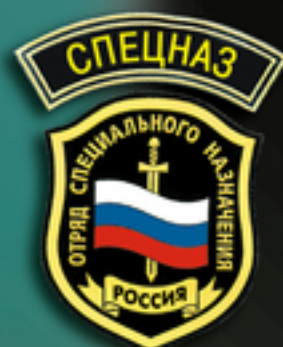
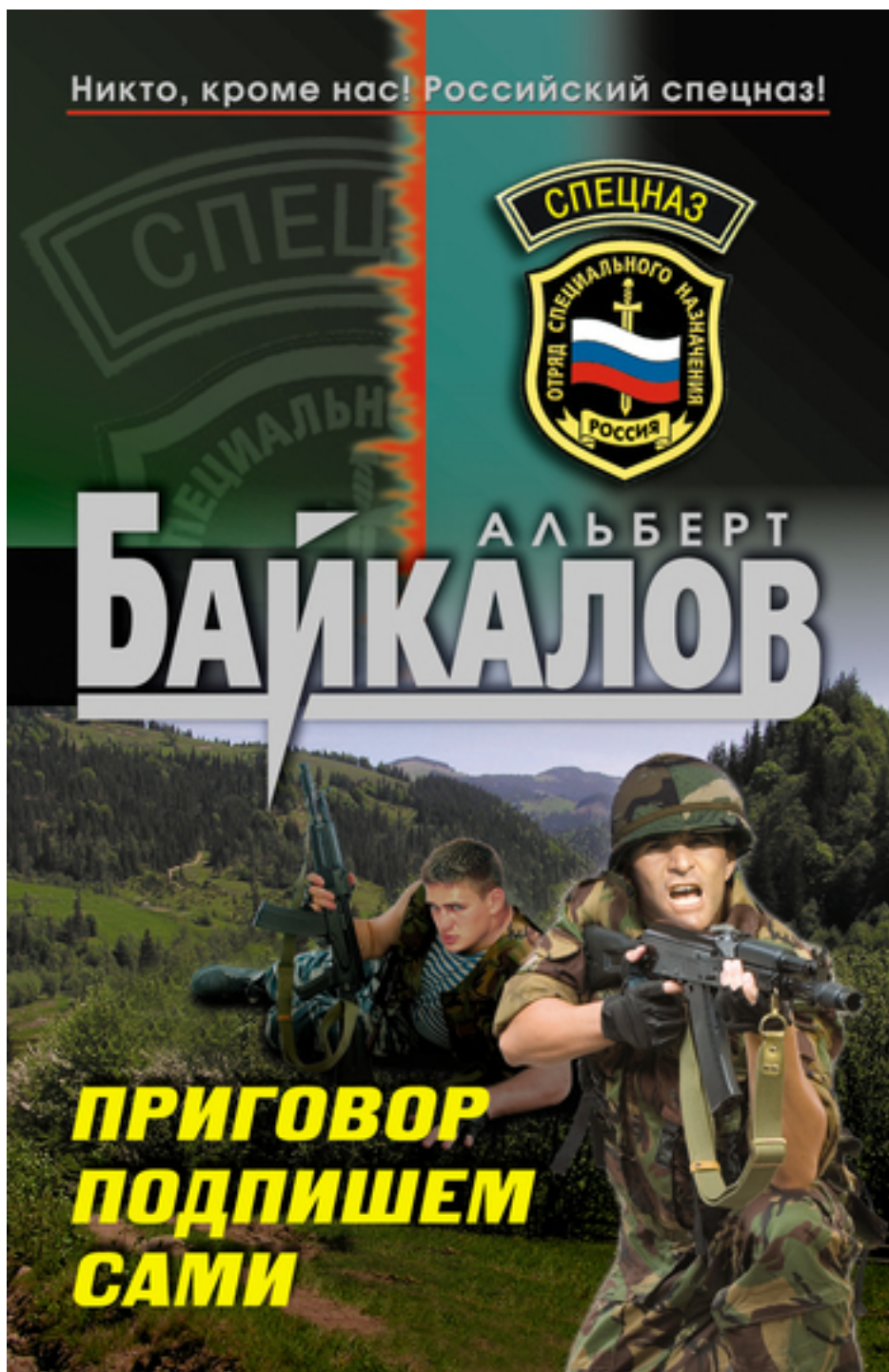

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

**ПРИГОВОР
ПОДПИШЕМ
САМИ**

Филин

Альберт Байкалов

Приговор подпишем сами

«ЭКСМО»

2011

Байкалов А. Ю.

Приговор подпишем сами / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,
2011 — (Филин)

Британские спецслужбы выходят на контакт с руководством московской частной службы безопасности «Риф». Ее фактический хозяин – опальный олигарх Блиновский, прячущийся в Англии и ненавидящий Россию, – совместно с англичанами планирует убийство премьер-министра России. Совершить этот дерзкий теракт сотрудники «Рифа» должны во время празднования Дня ВМФ в Севастополе. Но о преступных планах становится известно российским спецслужбам. Сорвать их планы поручается группе спецназа ГРУ подполковника Филиппова по прозвищу Филин...

© Байкалов А. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альберт Байкалов

Приговор подпишем сами

Глава 1

Антон Филиппов с трудом разлепил веки. В тот же миг его ослепил пронзительно-яркий свет. Балансируя на грани болезненного забытья и пробуждения, он застонал.

– Ты чего, командир? – Дрон потряс Филиппова за плечо. – Никак перегрелся?

Антон зажмурился и снова открыл глаза. Продолжая держать на плече руку, Дрон испуганно смотрел ему в лицо.

– Что? – Филиппов постарался улыбнуться, но боль в потрескавшихся губах, превратившихся в корку, не дала этого сделать.

– Я как-то не придавал значения, – Дрон бросил по сторонам настороженный взгляд. – Уснул-то ты в тени, а солнце через полчаса в зенит выползло.

Антон и так понял, что лежит он на самом солнцепеке, хотя у сложенного из камней забора, специально для отдыха, было оборудовано укрытие из куска прорезиненного камуфлированного коврика, веток и сухой травы. Позиция из него получилась та еще – обзору мешала ограда.

– Странно, почему не проснулся?

Антон поморщился и огляделся по сторонам. Организм должен был дать сигнал тревоги. Ведь так ненароком можно прямо во сне умереть от теплового удара. Неужели все-таки возраст начал давать о себе знать? Нет, не может быть.

– Глупый вопрос, – между тем продолжал Дрон. – Пять дней на такой жаре.

– Бывало и хуже...

Филиппов медленно повернул голову влево, потом вправо, прислушиваясь к ощущениям в шее. Пропитанная потом одежда противно прилипала к телу. Он передернул плечами и поморщился.

– Что, совсем плохо? – Дрон приложился к горлышку фляги, сделал пару глотков. Зажмурился, закручивая пробку. Смахнул рукой в беспалой перчатке капли пролитой воды с покрытой густой щетиной подбородка и снова посмотрел на Антона: – Может, за тебя подежурить?

На грязном, осунувшемся лице майора невозможно было разглядеть полосы грима. Да и не нужны они были уже. Кожа приобрела землистый оттенок. Даже блеск некогда искрометных глаз казался неживым. Филиппов редко видел Василия таким. Неунывающий балагур и весельчак сейчас тоже начал сдавать.

«Значит, есть и у нас предел», – с сарказмом подумал Антон, вспомнив слова генерала Родимова, что возможности человека огромны, а спецназовца – и вовсе безграничны.

– Почему молчишь? – закрепляя флягу на поясе, спросил Дрон.

– Сам справлюсь, – отмахнулся Антон. – Отдыхай.

Десять дней назад, высадившись с движущегося вдоль зеленки на изгибе дороге бронетранспортера, они совершили двадцатикилометровый марш в этот район. Со слов неназванного источника, здесь в ближайшее время должна пройти небольшая банда боевиков, среди которых есть несколько наемников-арабов. Путь они держат в направлении равнинной части для совершения диверсий. Данные о террористах были приблизительными. Одно точно: придут обязательно. В развалинах старого каменного дома, за которым рассредоточилась группа, был оборудован схрон, где хранилось все необходимое для того, чтобы устроить небольшую войну. Антон лично проверил его содержимое. Примерно двадцать килограммов пластида в пластиковых бутылках с отрезанной верхней частью, с десятков гранат разного назначения,

патроны, батарейки, провода, электродетонаторы, радиодетали от сотовых телефонов лежали в мешке, который был засыпан в яме.

Жара стояла такая, что зеленая трава осталась лишь в тени деревьев. Так уж вышло, что позиции Филиппова и Дрона оказались на самом солнцепеке. Он сам выбрал небольшую, поросшую редкими кустиками барбариса высотку с таким расчетом, чтобы иметь возможность наблюдать всех. Пополам этот взгорок делили остатки каменного забора.

– Может, позиции сменим? – Дрон огляделся, словно ища новое место.

– Ничего мы менять не будем, – покачал головой Антон, отстегнул карман лежащего в изголовье пятнистого рюкзака, вынул упаковку влажных салфеток и стал протирать лицо и шею.

– Ты ее не выбрасывай, – неожиданно повеселел Дрон. – Пожевать дашь.

Он, конечно, шутил. Но напоминание об ограниченном количестве запасов воды вконец испортило Антону настроение.

– Ты когда утомнишься? – строго спросил он Дрона.

Василий огляделся и пополз к забору.

Проводив его взглядом, Антон сунул указательный палец под косынку и сдвинул на ухо головной телефон переговорного устройства:

– Туман, это Филин, как обстановка?

– Тишина, – ответил эфир охрипшим голосом.

Высокий светловолосый майор был заместителем Антона. Сейчас, в отличие от остальных офицеров группы, работавших в парах, он действовал в тройке. После гибели лейтенанта Вишнякова оставшийся один Гуцин был распределен к нему. Среднего роста кареглазый брюнет со слегка вздернутыми у висков бровями, он больше всех волновал Антона. Молодой лейтенант пришел в группу одновременно с Вишняковым. Гибель офицера Антон в какой-то мере считал своей недоработкой, хотя в том бою сам вместе с Дроном получил ранения.

– Кто сейчас у тебя дежурит? – осторожно спросил он.

– Стропа, – ответил за Тумана чеченец.

– Все нормально?

Опрос был формальным. Антон и так знал, что никто из спецназовцев ничего подозрительного не заметил. Просто нужно было убедиться, что связь устойчива, а заодно посмотреть, нет ли среди подчиненных того, кто уже находится на грани своих сил. Хотя каждый офицер в таком случае обязан предупредить об этом своего напарника или командира.

– С какой стороны смотреть, – между тем хмыкнул Туман. – Столько сидим, а этих козлов все нет.

– Им тоже жарко, – заметил кто-то.

– Джин, – Антон перевел взгляд на кромку леса слева от него.

– Все чисто, – с легкой хрипотцой ответил майор. – Сейчас Шаман дежурит.

Все чеченцы пришли в ГРУ после серьезного отбора из МВД республики. Негласно старшим среди них был Вахид Джабраилов по прозвищу Джин. Крепкого телосложения, с массивным подбородком, горец и в милиции был старше своих земляков по званию и должности. Чуть выше среднего роста, со слегка вытянутым лицом и дугообразными бровями, Шамиль Батаев был у него тогда оперативным уполномоченным, а теперь вторым номером в паре, и имел позывной Шаман.

Отправляясь в командировки на Кавказ, офицеры-чеченцы часто маскировались под боевиков. Для этого с собой они брали кожаные шапочки, сшитые по форме тюбетеек, повязки с арабской вязью, кинжалы, изготовленные кустарным способом, разгрузочные жилеты. Оружие тоже отличалось от штатного: вместо привычных «Винторезов» и «Валов» – распространенные среди бандитов «калаши» и пистолеты «ТТ». Антону чеченцы напоминали бродячих

артистов. Не раз знание менталитета, языка и внешность этих спецназовцев были основной причиной достижения цели и выполнения поставленной задачи.

– Филин, это Банкет, – неожиданно раздался голос всегда лысого, с бесцветными бровями майора. – Ориентир три. Птиц кто-то потревожил.

Антон перевел взгляд на вершину небольшой, до половины заросшей березками горы, отыскал на ее склоне груды камней. Действительно, в небе метались несколько лесных птиц. Если учесть, что из-за небывалого зноя они даже не пели, можно предположить, что причиной тревоги могли стать люди. Хотя Антон сомневался, что бандиты пойдут днем. Они, как и спецназ, предпочитали для передвижения темное время суток.

– Это Татарин, – с тревогой в голосе заговорил доктор группы и осекся. Антон напрягся. Ринат Гайнулин работал в паре с Банкетом и сейчас должен был отдыхать.

– Слушаю тебя, – Антон посмотрел на березовую рощу, расположенную практически у развалин.

– На склоне, ниже третьего пятьдесят, двое с оружием.

Антон снова отыскал взглядом россыпь камней и тут же увидел две фигурки. Это были одетые в камуфлированную форму мужчины. Один держал у глаз бинокль.

– Замерли, – Антон медленно опустил глаза. – Противник изучает подступы к объекту.

Антон старался не смотреть в сторону бандитов. Он не понаслышке знал об особенностях человека чувствовать взгляд. Точно так же поступили сейчас все без исключения разведчики.

Между тем с минуту постояв, бандиты продолжили спуск и на какое-то время скрылись среди зарослей орешника, молодых буков и дубков. Наконец они появились из кустарника на краю поляны. Расстояние было небольшим, и ему удалось разглядеть даже детали лица и одежды. К своему удивлению, он вдруг понял, что перед ним русские.

– Это что еще такое? – протянул разбуженный ожившим эфиром Дрон. – Никак, опять на своих напоролись?

– Болтать прекратили! – прошептал Антон, придавив пальцем микрофон к скуле. – Наблюдаем.

Воцарилась тишина. Лишь легкое шипенье и потрескивание в головном телефоне говорило о том, что УКВ-передатчик работает.

Вскоре странная парочка вышла на открытый участок. Один присел в зарослях барбариса, второй, озираясь по сторонам, стал продвигаться к развалинам.

– Может, хохлы? – не выдержал Дрон. – УНА-УНСО неймется?

– Заткнись! – выдохнул Антон.

Шедший первым, крепкого телосложения молодой мужчина уже вплотную приблизился к развалинам. Экипировка на нем была не из дешевых. Из нового, совсем недавно поступившего в войска материала были сшиты куртка и штаны. Разгрузочный жилет тоже не походил на те, что штампуют в подпольных мастерских. Антон видел похожие только в московском магазине «Полигон», бойко торговавшем новейшими образцами обмундирования. На голове – кепка из такого же материала, однако козырек был заметно больше. Над ним красовались солнцезащитные очки. В руках мужчина держал автомат Калашникова.

«Неужели снова накладка и на нас вышли свои? – размышлял Антон. – Кто это? МВД, ФСБ? Да кто угодно!»

Прикинув расстояние до странной пары и придя к выводу, что его не услышат, даже если он будет говорить вслух, Антон вынул из нагрудного кармана трубку спутникового телефона, отвернул похожую на сигару антенну и надавил на кнопку автоматического набора частоты Линева.

Коренастый, русоволосый контрразведчик осуществлял по линии смежников межведомственное взаимодействие, обеспечивал оперативной информацией и прикрытием. Работать с группой Антона он начал будучи еще старшим лейтенантом. Нередко сам принимал участие

в операциях. В данный момент Данила находился в Курчалое, на территории военной комендатуры.

– Слушаю, Линева, – раздался голос.

– Это Филин, – представился Антон. – Ты уверен, что, кроме нас, в районе схрона больше никого нет?

– Ну, разве что местные, – нерешительно проговорил Линева. – Ты же знаешь, милиция иногда проявляет чудеса тугодумия... Хотя неуверен.

– Мы сейчас наблюдаем двух бойцов, – решил пояснить Антон. – Так вот, они на бандитов совсем не походят.

– Как это? – не понял Линева.

– Ни внешне, ни экипировкой, – пояснил Антон.

– Да мало ли кто сейчас может к боевикам уйти? – удивился сомнениям Антона Линева. – Вспомни девяностые. От находящихся в розыске преступников до...

– Те не особо разбирались в военном деле, – перебил его Антон. – Эти же, по ходу, профи.

– Думаю, что, кроме бандитов, в этом районе больше появиться никто не может, – решительно заявил Данила.

Антон убрал телефон и стал наблюдать дальше. Тем временем пара неизвестных перебежками добралась до развалин. Один остался снаружи, второй вошел через дверной проем.

– А если они сейчас все это заберут? – заволновался Дрон.

– Для двоих многовато будет, – возразил Туман.

– Не обязательно брать все, – стоял на своем Дрон. – Для одного теракта много не надо.

– Логично, – нахмурился Антон.

Однако последующие события начисто опровергли все сомнения Филиппова. Мужчина, который скрылся в развалинах, вышел оттуда. Обменявшись несколькими фразами со своим напарником, он развернулся в сторону высоты, с которой они спустились, и сделал рукой знак – «путь свободен».

Мимо россыпи камней проследовало еще пять фигурок. Антон перевел дыхание. Вскоре на поляну вышла группа людей, в корне отличавшихся от тех, кто был в головном дозоре. Это были почерневшие от солнца и ветров бородачи. Обвешанные оружием, они напоминали новогодние елки. Среди них особенно выделялся грузный, круглолицый, с косматой, отливающей синевой бородой бандит, на боку которого болталась деревянная кобура «стечкина». Не исключено, что именно он и был главарем банды. О чем-то сдержанно переговариваясь, боевики направились к развалинам.

– Группа, к бою! – дал команду Антон.

* * *

Вторые сутки подряд Лондон поливали дожди. Казалось, что даже с зеленых лужаек и росших вдоль дорог деревьев непогода смыла краски. Люди старались меньше появляться на улице. Если в центре города еще царил оживление, то на окраинах было безлюдно.

Щуплый, с глубоко посаженными глазами рыжеволосый мужчина вышел из остановившейся у чугунной ограды машины, тут же открыл зонтик и, сутулясь, направился к калитке. На нем был вязаный джемпер, надетый на серую рубашку, и джинсы, на ногах кроссовки. Было видно, мужчина не придает особого значения своей внешности и носит то, что удобно и практично. В огромном двухэтажном доме, стоявшем посреди лужайки, его ждали. Это стало видно по тому, как на дорожке тут же возник здоровенный парень в белой рубашке и галстук с гигантских размеров черным зонтом. Он распахнул перед мужчиной калитку и посторонился, пропуская его во двор.

С неброской внешностью гость являлся одним из сотрудников британской разведки МИ-6. Регги Мэйфилд заведовал небольшим подразделением, работавшим под «крышей» одного из регионально-географических отделов. Подавляющее большинство коллег Мэйфилда было уверено в том, что возглавляемая им группа занимается изучением статей расходов России на оборону из независимых источников и сравнивает их с разведывательными данными, поступающими от агентурной сети. Своего рода это был контрольный орган резидентуры директората. На самом деле сферой его деятельности было все, что в той или иной степени могло подорвать экономику или создать предпосылки к дестабилизации обстановки в России. Этим занимались многие, но не всем, в отличие от него, было разрешено проводить специальные операции, организовывать акции, выступления оппозиции и финансировать экстремистов. В большей степени на него работал последнее время Британский территориальный отдел, осуществляющий вербовку иностранных граждан, приехавших в Англию и Северную Ирландию. Только за три месяца весны Мэйфилд отправил в Москву двух агентов из числа русских эмигрантов.

Но противник был серьезный. Несмотря на все старания Запада развалить спецслужбы, русским удалось сохранить свой потенциал. Регги вполне успешно противостояла контрразведка и разведка. Как следствие, с начала года на его счету не было ни одной успешной операции. Он нервничал и хотел реванша. Однако один за другим агенты оказывались нейтрализованными. Они не окупали вложенных в них средств. Сегодня Мэйфилд решил поговорить с Блиновским. Невысокого роста, с большими залысинами мужчина давно оставил Россию по причине небеспочвенных опасений оказаться как минимум за решеткой. Несмотря на свою смешную внешность, Олег Викторович был на самом деле умным и практичным человеком, в свое время стремительно разбогатевшим на волне российского беспредела. Правда, в последнее время руководство Мэйфилда, да и его самого, стало беспокоить психическое состояние опального олигарха, который с несвойственной для человека ненавистью к собственной стране угрожал практически все свое состояние на подрывную деятельность.

Когда Регги вошел в услужливо открытые охранником двери первого этажа, Блиновский стоял в позе оперного певца посреди гостиной, держа на уровне груди сомкнутые в замок руки. Было видно, ему не терпелось узнать, с какой целью в его апартаменты решил явиться столь таинственный гость. Несмотря на все меры предосторожности и профилактические работы собственной службы безопасности, никто не исключал, что за домом опального олигарха ведется скрытное наблюдение. Зная, что Мэйфилд информирован об этом, Блиновский терялся в догадках, что могло послужить ему поводом рисковать. На нем был черный пиджак, светлые брюки. На шее странный, синего цвета шелковый шарф. При виде Мэйфилда он сдержанно улыбнулся и направился навстречу.

– Добрый день! Рад видеть вас в стенах моего скромного жилища. – Олигарх картинно развел руками.

– Здравствуй, Олег, – кивнул Регги, отвечая на рукопожатие.

Они поднялись в кабинет хозяина дома. Несколько шкафов с книгами, огромных размеров ковер, посреди которого стоял старинный письменный стол, и камин наводили на мысль, что хозяин этих апартаментов как минимум ученый или литератор. Однако первое впечатление было обманчивым. Конечно, Блиновского бесспорно можно причислить к категории творческих личностей. Однако вся его энергия и ум были в большей степени направлены на то, чтобы как можно больше принести вреда стране, которая его вскормила. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности. Высокие окна выходили во внутренний двор, а специально назначенный человек каждый день проверял апартаменты на предмет прослушки.

Они уселись в углу в кресла из кожи, между которыми стоял невысокий стеклянный столик. Как всегда, завязался непринужденный разговор ни о чем. Но это на первый взгляд. На самом деле Мэйфилд использовал любую возможность поговорить на русском языке. Сначала

обсудили погоду, потом здоровье. Поводом этому послужило недомогание гостя, не ускользнувшее от внимания олигарха.

– Ты, никак, простудился? – воскликнул Блиновский, ставший свидетелем того, как англичанин торопливо вынул платок, закрыл им нижнюю часть лица и чихнул.

– Угадал, – подтвердил тот. – Немного побыл вчера под дождем, и вот... – Он развел руками. – Не боишься тоже заболеть?

– У меня сильный иммунитет, – не без гордости похвастал Блиновский. – А если немного и начинаю хворать, то бегу в баньку, потом водочки с перцем на ночь – и под одеяло.

– О-о, – протянул Регги, вспомнив свой первый и последний поход в сауну, устроенную в правом крыле особняка. – Ты очень сильно себя обжигаешь!

– Брось, – рассмеялся Блиновский. – Вот если бы ты приехал в Сибирь, то тебе там бы показали кузькину мать!

– Что есть кузькина мать? – неожиданно нахмурился Мэйфилд. – Точно так же говорил ваш Никита Хрущев, угрожая Западу. Это условное название атомной бомбы?

– Просто это такая поговорка, – Блиновский на секунду закатил глаза под потолок, словно пытаясь найти способ объяснить англичанину смысл этого выражения, но махнул рукой и вернулся к начатой теме: – Так вот, еще помогает брусника, чай с малиновым вареньем. У вас лечатся в основном химическими препаратами, а у нас больше отдают предпочтение природным лекарствам. Ты вот, например, в курсе, сколько болезней можно излечивать медом и прополисом?

– Знаешь, Олег, я редко болею, – Мэйфилд с тоской посмотрел в окно. – Мы привыкли к сырости.

– У меня в основном нервы подводят, да еще сердце, – с грустным видом признался Блиновский. – Когда я еще учился в школе, у меня соседка по дому приносила моей матери настойку пустырника с мятой и валерианой. Все собственноручного приготовления.

– Олег, ты не скучаешь по родине? – неожиданно спросил Мейфилд.

Увлеченный рассказом о том, как в России лечат народными методами простуду и сердце, Блиновский не сразу понял вопрос и некоторое время сосредоточенно смотрел на гостя.

– Отчего же? – наконец собравшись с мыслями, с горечью в голосе выдавил он из себя. – Все-таки я там родился. У меня осталось в этой стране много друзей.

– Среди них есть женщины? – с иронией спросил Мэйфилд.

– Я большую часть своей жизни посвятил учебе, бизнесу и политике, – Блиновский перевел взгляд куда-то выше головы англичанина. – Не до этого было. Хотя, – он оживился, – есть первая любовь.

Смакуя поданный секретарем Блиновского черный кофе в маленьких чашках из китайского фарфора, Мэйфилд размышлял, как перейти к главному вопросу, из-за которого он явился к опальному олигарху. Но Блиновский неожиданно сам подвиг его на это:

– Я знаю, что ты приехал ко мне не для того, чтобы обсудить погоду и последние события, – отодвинув от себя уже пустую чашку, заговорил он. – Нужна помощь?

– Угадал, – оживился Мэйфилд. – Поводом моего визита послужила полученная информация о твоей службе безопасности.

– Ты приехал по поводу моей службы безопасности? – делая вид, будто не понимает, о чем речь, переспросил Блиновский. – Но что она могла такого натворить? – Он пожал плечами и посмотрел на двери. – Штат моих сотрудников двенадцать человек. Они заняты охраной дома и хозяйственных построек. Еще два водителя...

– Я не о тех, кто обеспечивает твою жизнедеятельность здесь, в Лондоне, – покачал головой Мэйфилд, огорченный таким поведением Блиновского. – В Москве у тебя остались люди, которые даже не изменили название своей фирмы.

– Ты о «Рифе»? – Олигарх отчего-то нахмурился. Регги даже показалось, что затронутая тема для него болезненна.

– Именно, – не сводя с собеседника взгляда, подтвердил Мэйфилд. – Мне необходимо содействие этой организации в решении ряда вопросов.

– Сейчас это обособленное подразделение, ни в коей мере не зависящее от меня, – с грустью в голосе констатировал олигарх.

– У меня другая информация, – Мэйфилд едва заметно улыбнулся. – Руководство «Рифа» выполняет твои тайные поручения.

– Громко сказано, тайные поручения, – заерзал в кресле Олег Викторович. – Разыскать одноклассника, переправить родителям подарки – это просто дань уважения ее создателю. Как-никак, именно я проявил инициативу и собрал изгнанных из КГБ и МВД специалистов. На мои деньги закуплено оборудование, построена учебно-методическая база, оборудована лаборатория.

– Я знаю, что именно «Риф» обеспечивает твои полеты в Грузию, в Украину и в страны Балтики, – продолжал стоять на своем Мэйфилд. Для него было полной неожиданностью то, что опальный олигарх, как послушная собачонка, все это время выполнявший любые просьбы своих покровителей, здесь вдруг стал юлить.

– Украина уже для меня закрыта, – напомнил Блиновский о результатах последних выборов в республике.

– Олег, – Мэйфилд слегка наклонился вперед, – почему ты отказываешься от того, что «Риф» по-прежнему твой?

– Я же сказал тебе, – глаза Олега Викторовича забегали, – там давно другой руководитель. От моей службы безопасности осталось только название. В настоящее время «Риф» – не что иное, как частное охранное предприятие. Занимается обеспечением безопасности частных лиц, охраной объектов и сопровождением грузов. Для того чтобы встретить меня, я заключаю с ними договор, осуществляю предоплату...

– Для меня твой отказ – неожиданность, – перебил собеседника Регги, всем своим видом давая понять, что недоволен результатом разговора и собирается уходить.

Блиновский на мгновение словно застыл. Глядя перед собой, он закусил губу. Мэйфилд лукавил, когда говорил, будто огорчен отказом. Более того, он заранее знал, Блиновский будет сопротивляться. Еще бы: созданная им организация была аналогом небольшой, но мощной, хорошо технически оснащенной спецслужбой со своей разведкой и контрразведкой. Штат был укомплектован первоклассными специалистами, которые по разным причинам оставили силовые структуры. Они продолжали совершенствовать свои навыки и умения. По данным Мэйфилда, поступающие на работу в эту организацию не только проходили специальное обучение по особой, разработанной с учетом специфики деятельности «Рифа» программе, но и были обязаны съездить в одну из горячих точек. Так, бойцы этой организации воевали в Боснии и Африке, участвовали во внутренних конфликтах; причем в Чечне, например, они сражались как на одной, так и на другой стороне. Отсутствие принципов, верность одному человеку, круговая порука и строжайший режим секретности помогли этой структуре успешно просуществовать уже более полутора десятков лет. Каждый блестяще владел любым видом оружия, умел приготовить из подручных средств яды, взрывчатку, разбирался в электронике, говорил минимум на двух языках. Всего и не перечесать. По слухам, группа из двух десятков человек, этих ниндзя, легко может захватить небольшой провинциальный городок со всеми органами власти и инфраструктурой. Но основное ее предназначение – это сбор и анализ информации. Причем насколько был осведомлен Мэйфилд, «Риф» имел возможности контролировать даже высшие эшелоны власти.

– Хорошо, – наконец заговорил хозяин дома. – Допустим, у меня остались там люди, через которых я могу воздействовать на его директора.

– Темнишь ты, Олег, – Мэйфилд расплылся в хитрой улыбке и погрозил Блиновскому пальцем. – Или забыл, где я работаю?

– Но я серьезно...

– Ты поступаешь не очень хорошо по отношению к представителю страны, которая приняла тебя, – неожиданно жестко произнес Мэйфилд. – Неужели я мало для тебя сделал?

– Сдаюсь, – Блиновский шутливо поднял руки вверх. – Что от меня требуется?

– Я бы хотел иметь возможность решать некоторые свои вопросы при помощи твоих людей.

– То есть напрямую, минуя меня? – догадался Олег Викторович.

– Именно так, – подтвердил его предположение Мэйфилд.

– Если я правильно понял, ты хочешь взять у меня в аренду «Риф»?

– Что-то в этом роде, – кивнул англичанин.

– Надо подумать, – заерзал Блиновский. – Мне необходимо проконсультироваться.

– Послушай, – Регги изрядно надоели метания олигарха, – если я сейчас уйду, то навсегда. Чем это чревато для тебя, ты знаешь.

– Хорошо, – упавшим голосом проговорил Блиновский и встал. – Только попрошу все же держать меня в курсе...

– Не сомневайтесь, – неожиданно перейдя на «вы», успокоил Олега Викторовича Мэйфилд и тоже поднялся со своего места.

* * *

Иннокентий Васильевич Остряков дочитал текст рапорта, который занес начальник смены, развернулся в кресле, сунул его в щель уничтожителя бумаг и нажал на кнопку. Лист медленно стал исчезать в чреве автомата.

«Вот так: был человек, и нет, – размышлял Остряков. – А вся беда его была в том, что нахапал много и не захотел делиться».

Популярный телеведущий, завсегдатай московских тусовок и владелец двух скромных ресторанов в Москве застучал свою благоверную в обществе стриптизера. Согласно брачному контракту развод грозил оставить ее ни с чем. Даже если рогоносца просто убить, все нажитое отходило убитым горем родителям. Но не тут-то было. Российская действительность и рыночная экономика рождали настоящих акул. Некогда прикатившая в столицу из Нижнего Тагила бабенка оказалась той еще сучкой и просто обратилась за помощью к знающим людям. Те свели ее с представителем «Рифа». Конечно, красотка и предположить не могла, что за хмурой внешностью уголовника, по кличке Клык, скрывается сотрудник официально зарегистрированной организации и бывший лейтенант ФСБ. Так и обстрипали дельце. Теперь она считает, что некая криминальная группировка помогла ей без проблем забрать причитающуюся часть имущества на общую сумму шесть миллионов долларов. А это без малого пять гектаров земли в одном из элитных поселков, две квартиры, машина и наличность. Конечно, не за красивые глазки – сегодня с утра на счет в банке поступил процент от этой суммы.

Теперь эта информация резалась на тонкие полоски, которые, вдобавок ко всему, измельчались, а потом превращались в пепел. Почти так же, как два дня назад сгорели на собственной даче убитые горем родители телеведущего. Они не смогли проснуться при появлении дыма от замкнувшей проводки. Некому больше доказывать, что сынок не мог употреблять суррогатную водку, а тем более хранить ее у себя дома. Да и до обнаруженных на его теле синяков и ссадин теперь уж точно никому нет дела. Зачем напрягаться, искать убийц, если все можно списать на несчастный случай?

Остряков с терпеливостью канцелярской крысы дождался, когда красную лампочку индикатора операции сменит желтая, только после этого встал. Вышел из-за стола, подошел к

шкафу, открыв его, снял пиджак, галстук, повесил на плечики. Оставшись в одной рубашке, невольно задержал взгляд на своем отражении в закрепленном на внутренней части дверцы зеркала. На него смотрел невысокого роста мужчина с усталым взглядом. Коротко стриженные черные волосы были обильно посеребрены сединой. Несмотря на все старания, которые включали в себя регулярные походы в спортзал, плавание летом в одном из подмосковных прудов, а зимой в бассейне и строгую диету, все же начал выпирать хоть и небольшой, но вызывающий у жены улыбку животик. Ничего не поделаешь, возраст... Иннокентий Васильевич посмотрел на часы. Скоро встреча с шефом. Максима Леонидовича Губина, по кличке Леон, он лишь в присутствии подчиненных называл по имени-отчеству. Они вместе в начале девяностых в угоду политическим амбициям того времени оказались выброшенными на улицу. Оба едва примерили очередные звезды: Леон стал подполковником, а Остряков – майором. Ни дач, ни накоплений. Зато стопки грамот, исписанных благодарностями, послужные листки, ордена и медали. У Леона в довесок два тяжелых ранения, которые он получил в Афганистане и на Ближнем Востоке. Биография у Иннокентия Васильевича ничуть не хуже. Спина и грудь в шрамах от пыток – результат не совсем удачного внедрения в банду контрабандистов оружия...

Месяц в поисках работы привел в уныние. То, что предлагал рынок труда, ни в коей мере не устраивало друзей. И не потому, что оба были привередливыми, – пошли бы и в дворники. Просто размер зарплат покрывал лишь коммунальные расходы да давал возможность жить на бутербродах. У Леона – сын, у Иннокентия Васильевича – старшая дочь окончили школу. К тому времени Россию захлестнул беспредел. В Москве без взятки невозможно было поступить в престижный вуз даже на платный факультет. Как следствие, влезли в долги. А между тем травля спецслужб в газетах и по телевидению продолжалась. Озверевшая на этом фоне общественность – в большинстве своем так же, как и они, лишившись в результате развала страны и без того мизерных зарплат, накоплений, уверенности в завтрашнем дне, – требовала реформ осколков силовых структур и армии, виня их в причинах всех своих бед. Кто-то вдруг быстро подсчитал, что, оказывается, у нас неразумно большие армия и флот, а соответственно и расходы на них. Ликвидировались полки, дивизии, армии. Сокращалось и пускалось под нож все, что, по мнению называющего себя демократами сброда, было ненужным и съедало львиную долю подоходного налога. От такого вредительства оторопь брала даже врагов. Как им теперь убеждать конгрессы и бундестаги в необходимости увеличения военных расходов на оборону, если единственный своего рода враг попросту разоружается? На улицу без жилья, выходных пособий и пенсий выбрасывалось все больше офицеров и прапорщиков. Отчаявшись, одни кончали жизнь самоубийством, другие спивались. Кто-то карабкался, трудился на трех работах и постепенно сгорал. Кладбища пополнялись обелисками с изображением людей в форме, возраст которых едва перевалил за сорок.

В этой ситуации быстро сориентировались те, кто успел приспособиться к новым условиям и устроить свою жизнь. Как правило, в девяностых это доставалось дорогой ценой. Вошли в обиход и стали привычными слова «киллер» и «заказуха». Соответственно стали востребованными люди, умеющие собирать компромат, шпионить, убивать и защищать. Именно тогда на Леона обратил свой взор тогда еще депутат Государственной думы Блиновский.

А произошло все по воле случая. Максим по ночам «бомбил» на своем стареньком «Москвиче». Как-то возвращаясь под утро домой, на пустой трассе он задел отъезжающую от бордюра машину, подвыпивший пассажир которой оказался помощником депутата. Завязалась перепалка, которая переросла в драку. В результате Леон без труда справился с зачинщиком конфликта, его водителем и двумя друзьями. На следующий день история получила продолжение. Леон еще не успел проснуться, как к нему наведася милиция. Дело принимало серьезный оборот. Неделя прошла в напряжении. Походы в прокуратуру, сбор справок, юридические консультации... Когда Максим уже считал себя самым несчастным человеком на земле, все тот же помощник депутата лично заявился к нему домой и без обиняков сказал, что

с ним желает встретиться шеф. Как выяснилось позже, Блиновскому понравилось, как Леон в одиночку справился с его мордоворотами, и он по своим каналам собрал информацию об этом человеке.

Последствием разговора за закрытыми дверями кабинета в загородном доме Блиновского стало появление на одной из улиц Мытищ небольшого офиса с вывеской частного охранного предприятия и выкупленного у государства за копейки бывшего пионерского лагеря на границе Московской и Тверской областей. На его территории оборудовали небольшой учебный центр. С этого все и началось. Блиновский не жалел денег на свое детище, постоянно заостряя внимание на очевидном: тот, кто владеет информацией, владеет миром. Постепенно Леон собрал вокруг себя костяк, состоящий на тот момент из лучших специалистов, закупил самое современное оборудование, раздобыл, используя связи, оружие и разрешения на его ношение. Пошла настоящая работа. Первое время она заключалась в обеспечении безопасности самого Блиновского и сборе информации на его конкурентов по бизнесу. Однако вскоре возникла необходимость устранить одного из врагов депутата. Уже почувствовавшие вкус денег подручные легко справились с этой задачей. Дальше – больше. Через год на стол Блиновского мог лечь компромат практически на любого политика или военного деятеля. Причем даже если человек реально вел благообразный образ жизни, профессионалы Леона создавали такие условия, что он легко превращался в развратника, растлителя малолеток, взяточника или просто убийцу жены. Для этих целей в штате «Рифа» были несколько прикормленных девочек легкого поведения, которые, впрочем, также имели соответствующее образование и навыки.

Иннокентий Васильевич окинул взглядом кабинет, выключил свет и вышел. Запер дверь на оба замка, опечатал, после чего направился на центральный пост, чтобы сдать ключи. Сегодня пятница, совещания не будет. Они решили просто поиграть на бильярде.

Спускаясь в подвал, Остряков услышал стук шаров. Леон уже разминался. Здесь у них кроме бильярдной был борцовский зал, небольшой тир для стрельбы из пистолета и сауна с бассейном.

– Чего опаздываешь? – Леон наклонился, направил кий на шар и посмотрел поверх очков на Иннокентия Васильевича. – Заработался?

– Это ты рано пришел, – следя за полетом шара в лузу, возразил Остряков.

Леон уткнул кий в пол, взял кусочек мела и стал натирать им наконечник:

– На что играть будем?

– Знаешь, что-то нет настроения, – признался Иннокентий Васильевич. – Может, отложим?

– Хорошо, – неожиданно согласился Леон, осторожно положил кий на стол и внимательно посмотрел на своего зама: – Я вообще-то тебя сюда пригласил не для того, чтобы шары катать, – признался он. – Поговорить хочу в неформальной обстановке.

– Даже так? – насторожился Иннокентий Васильевич.

– Садись, – Леон указал рукой на два кресла, между которыми был устроен небольшой бар.

Теряясь в догадках, Остряков опустился в кресло.

– От Мельника приехал человек, – Леон с задумчивым видом тоже сел, открыл крышку бара, достал бутылку коньяка, две рюмки.

Остряков ждал, наблюдая за приготовлениями. Мельником они между собой называли своего хозяина – Блиновского, который вот уже второй десяток лет ставил задачи из-за бугра. Иногда Иннокентию Васильевичу начинало казаться, что такого человека не существует, а иногда, наоборот, он начинал ощущаться как что-то сверхъестественное, сродни божеству. Вроде есть, но его никто не видел; в то же время созданная им империя существует и процветает.

– Ну, так вот, – Леон поставил бутылку обратно в бар, взял бокал, – наш Мельник желает, чтобы мы заключили договор об оказании услуг с одной западной компанией.

– И что? – нахмурился Остряков.

– Я ее пробил, – продолжил Леон. – На российском рынке семь лет. Занимается программным обеспечением. Но ребята из конторы говорят, что не все так гладко у этой компании.

– В смысле? – насторожился Остряков.

– Год назад из-под ее крыши выдавили агента, – Леон пригубил коньяку и поставил бокал на стол. – Сейчас, как ты понимаешь, она под контролем. Не пойму, зачем он нас там хочет светить?

– Какая тебе разница? – удивился Остряков.

– Большая, – покачал головой Леон. – Компания британская. Чует мое сердце, что англичанам удалось уговорить нашего нехристя использовать нас в своих целях.

– А мне уже давно все равно, – признался Иннокентий Васильевич. – Какая разница, за что сидеть? Пожизненное, в случае чего, нам обеспечено.

– Не каркай, – погрозил пальцем Леон, схватил бокал и залпом опустошил его. – Мы еще повоюем! А что, я даже рад, если все оно так и есть! – он вскочил со своего места, прошел вдоль стола, развернулся: – Мне все больше доставляет удовольствие гадить этой стране. За что она так с нами обошлась?

– Страна здесь ни при чем, – нахмурился Остряков. – Да и не та она уже.

– Не скажи, – покачал головой Леон. – Вся она осталась прежней, только вывеску сменила. Те, кто в обкомах да райкомах штаны протирал, сейчас в бизнесе да все в той же Государственной думе. Подумать только, туда фракции бандитам места€ продают! Совет Федерации – половина бывших комсомольских работников, другая половина партийные. Может, и затесался там с десяток нормальных, но это так, случайные либо уж очень заслуженные люди. А в глубинке и подавно, – он махнул рукой. – Неужели будешь спорить?

– Спорить не буду, – Остряков отставил рюмку, так и не решившись пить. – Ты же знаешь, я этого не люблю, а свою позицию уже высказал. Мне все равно, кого мочить, на кого собирать компромат или подставлять. Лишь бы деньги платили.

– Вот такой подход мне нравится! – воспрял духом Леон. – Название фирмы «GMB». Сконцентрируйся пока на ее изучении.

Глава 2

Часть боевиков рассредоточилась вокруг развалин, часть прошла внутрь. Послышался шум. Это отбрасывали разный хлам, которым был засыпан тайник. То и дело в проломах, в которые превратились из-за разрушений окна, мелькали занятые работой бандиты. Затем воцарилась тишина. Значит, подняли из ямы мешок. С минуту боевики что-то оживленно обсуждали. Из-за большого расстояния нельзя было разобрать слов. Голоса стали приближаться к выходу.

– Приготовились, – пробормотал Антон и направил ствол «Винтореза» на дверной проем.

Он не собирался уточнять задачи офицерам. Каждый знал, что ему делать в той или иной ситуации. Вся территория делилась на сектора. Следовательно, оказавшиеся в них бандиты обстреливались конкретными спецназовцами. По возможности максимальное количество боевиков необходимо взять живыми. Главаря банды, который выделялся на фоне остальных не только поведением, но и габаритами, желательно только ранить. Еще Филиппову очень хотелось пообщаться с боевиками, имевшими явно славянскую внешность.

Первым из развалин вышел худощавый мужик с автоматом Калашникова наперевес и сразу о чем-то заговорил с находившимся все это время снаружи дружком. Определить с ходу, какой они национальности, было сложно. Арабы быстро усваивали языки народов Северного Кавказа. Многие знали русский. Часто среди них встречались и те, кто в свое время окончил в России институт или даже университет Дружбы народов. Вторым появился бородатый громила, который, по мнению Антона, и был главарем этой банды. С трудом перешагнув кучу битого кирпича, он вытер обратной стороной ладони пот со лба. Следом за ним рыжеволосый бандит, едва передвигая ногами, тащил мешок, который снизу придерживал молодой, с редкой бородкой парень в афганской шапке-нуристанке. Они пронесли его в тень от стены и осторожно положили на землю. Парни со славянской внешностью, бросая по сторонам подозрительные взгляды, подошли к нему и стали разбирать содержимое. Они выкладывали на траву коробки с патронами, гранаты и пластиковые бутылки, заполненные взрывчаткой. Антон заподозрил, что эти люди будут собирать дистанционные взрыватели и сейчас подбираются к упакованным в полиэтилен радиодеталям. Он прицелился в колено главаря. Тот как раз стоял, широко расставив ноги, лицом к нему. Сунув большие пальцы рук за широкий кожаный ремень, бородач о чем-то сосредоточенно размышлял. Филиппов выбрал свободный ход спускового крючка и задержал дыхание. В этот момент бандит будто что-то почувствовал и встрепенулся. Его и без того коричневое лицо потемнело. Но было поздно. Пуля мягко прошла по стволу, а приклад, словно старый друг, несильно ударил в плечо.

Звук подвижных частей механизма его ВСС утонул в треске автоматных очередей и криков. Эфир взорвался матом и короткими фразами целеуказаний.

– Татарин, левее...

– Банкет, лысый в твою сторону уходит...

Тем временем бандиты бросились в разные стороны. Один, коснувшись земли, тут же вскочил, крутанулся на одной ноге вокруг своей оси и упал. Это был рыжий боевик, вытащивший из развалин мешок.

Бородач, в которого стрелял Филиппов, рухнул на бок, неестественно вытянул ногу с простреленным коленом, потом попытался ее согнуть, однако тут же его рот исказила гримаса боли.

– Это Филин, прекратить стрельбу! – скомандовал Антон, сдвинул микрофон в сторону и слегка приподнялся: – Предлагаю сложить оружие! В этом случае вам будет гарантирована жизнь...

Автоматная очередь одного из славян вдавила его в землю.

– Сука! – крикнул Дрон, по-видимому решивший, что командир убит. Тут же раздался подряд три хлопка его «Вала».

У руин кто-то взвыл.

– Это Филин, – больше для того, чтобы дать понять, что он живой, заговорил Антон. – Прекратить огонь!

– Слава богу! – облегченно вздохнул головной телефон голосом Дрона.

– Моя смерть не дает повода к ликвидации банды, – зло ответил ему Антон. – Джин!

– На связи, – ответил Вахид.

– Предложи им сдаться, – приказал Филиппов.

Джин громко заговорил на чеченском языке. Антон сдвинул наушник.

Как всегда в таких ситуациях, для начала Вахид спросил, кто среди боевиков главный. Ему долго не отвечали, но и не стреляли. Наконец раздался срывающийся голос:

– А ты кто такой? Милиция? Кадыровец?

– Зачем тебе? – с иронией спросил Джин. – Мы сильнее. Просто стало вас жалко. Давайте договоримся.

– Мы не торгуемся с предателями, – раздался тот же голос.

Как Антон ни старался, не мог определить, кто говорит с Джином. Но точно не подстреленный им в колено бородач. Именно его он принял за главаря. Неужели ошибся, или ранение причиняет бандиту столько страданий, что он не в силах отвечать?

– Тогда умрете, – предупредил Джин. – Подумайте о своих детях. Кому они будут нужны?

– Не дави на жалость, – попросил бандит, – все равно у тебя ничего не выйдет. Нам нечего терять, и мы будем драться. Лучше подумай о себе. Ведь и у тебя тоже есть семья.

– Нет, – ответил Джин. – Я знал, на что иду, и не стал обременять себя лишними проблемами.

Антон разглядел двух славянской внешности бандитов и между ними бритого наголо чеченца. Он лежал на животе, слегка приподняв голову. По лицу было заметно – бандит сильно нервничает. Левее, всего в паре шагов от него, притаился и раненный Филипповым бородач. Теперь его лицо было бледным. Он то и дело морщился и что-то бормотал. К нему никто не спешил на помощь. Странно. Антон прицелился в лоб лысого и надавил на спуск. Голова чеченца дернулась, и он уткнулся в согнутую в локте руку. Озираясь по сторонам, бандиты со славянской внешностью стали отползать назад. Один из них был ранен – он кусал нижнюю губу и морщился при каждом движении.

– Джин, повтори, – приказал Антон и медленно переполз ближе к забору.

– Смотри, вас стало на одного меньше, – заговорил Джин. – Неужели ты так же хочешь закончить свой жизненный путь? Разве для этого тебя растили мать и отец?

Вместо ответа развалины треснули автоматными очередями.

Антон уткнул голову в землю.

– Ну что, так и будем сидеть и смотреть? – с нотками недовольства в голосе спросил Банкет.

– Группа, это Филин, огонь! – произнес Антон и снова посмотрел в сторону разрушенного дома.

Бородач в этот момент преодолел несколько метров, отделявших его от развалин, перевалился через порог дверного проема и ящерицей заполз за стену. Его маневр хотел повторить худощавый чеченец. Он встал на четвереньки, оттолкнулся руками от земли и, пригибаясь, бросился за спасительные руины. Однако тут же вскрикнул и повалился на землю.

– Это Туман, – раздался голос заместителя, – у нас минус два.

Майор находился по другую сторону развалин, и Антон не мог видеть, что там происходит. Однако по докладу стало ясно: Туман и бывшие неподалеку от него офицеры уничтожили двух боевиков. Трое выведены из строя с направления, на котором находился Антон. Еще

немного, и они попросту всех перестреляют, а условия и внезапность позволяли сделать это уже в ближайшие несколько минут. Антон снова приказал прекратить огонь. Джин приступил ко второму этапу переговоров:

– Еще не поздно одуматься!

– Тебе ясно сказали: мы лучше умрем, чем запятнаем себя таким позором! – прохрипел голос из руин.

– Брестская крепость, мать ее, – проворчал в микрофон Дрон.

– Ты трус, – между тем заявил Джин. – Боишься суда.

– Суда я точно не боюсь, – заверил бандит. – Только что толку, если я сейчас пойду у тебя на поводу? Зачем обрекать себя на годы в неволе, если можно красиво умереть и отправить в ад нескольких неверных и их приспешников?

Наконец Антон увидел говорившего. Вернее, часть его туловища. Бандит лежал в кустарнике, росшем под наклонившейся стеной развалин. Затаив дыхание, Филиппов прицелился ему в щиколотку и надавил на спусковой крючок.

– Кто стрелял? – раздался удивленный голос Шамана.

– Я, – уверенный, что его узнают по голосу, ответил Антон, с удовольствием наблюдая, как вздрогнула ступня бандита, обутая в ботинок с высоким берцем. – Вперед!

Он встал на четвереньки, оттолкнулся руками от земли и бросился к дому. Пробежав несколько метров, упал в небольшое углубление в земле, боковым зрением заметив, что то же самое сделали Шаман и Татарин.

Из развалин ответили двумя короткими очередями. Антон стал стрелять поверх одного из славян. Тот уткнулся лицом в землю. Тем временем Дрон проскочил мимо и рухнул в траву за небольшую кочку. Теперь они могли забросать бандитов гранатами – впрочем, как и те их. Однако воцарилась странная тишина.

– Вы не передумали? – не дожидаясь команды Антона, крикнул Джин. – Еще не все потеряно!

Вместо ответа над грудой кирпича появилась окровавленная рука. Это был бандит, которому Антон прострелил щиколотку.

– Ах ты, сука! – неожиданно крикнул на чисто русском один из парней со славянской внешностью и вскочил во весь рост. Однако выстрелить в сдающегося он не успел. Его опередил Дрон. Хлопок из его «Вала» заставил бандита шагнуть назад, а потом рухнуть на спину.

Антон поморщился. Он четко видел, как пуля вошла в грудь. В тот же момент напарник убитого принялся разряжать свой автомат в то место, где лежал Дрон. Несколько пуль прощелестели над головой Антона и со шлепками врезались в стоявшие позади деревья. Опасаясь за Дрона, Антон дважды выстрелил в бандита. Автомат замолчал.

Филиппов медленно приподнялся и перебежал вперед.

– Не стреляйте! – раздался приглушенный голос. – Мы сдаемся.

* * *

Кляня жару и неисправный лифт, Эдгарс Баладис пешком поднимался на седьмой этаж дома, где располагалась квартира, купленная компанией специально для приехавших из-за рубежа сотрудников. Он не относил себя к таковым, но был обязан имитировать работу помощника начальника отдела маркетинга. В Москве Эдгарс торчал уже два месяца, считая свою командировку наказанием за допущенные весной просчеты. До этого он работал в Англии с эмигрантами из стран Восточной Европы и отвечал за вербовку и подготовку агентов. Почти все они после приезда в Россию были нейтрализованы, после чего курировавший Эдгарса представитель МИ-6 Джек Давенхейм предложил ему самому поработать в стране, считавшейся его родиной. До развала СССР родители Эдгарса жили в Ленинграде. В голодные девяностые они

не решились возвращаться на историческую родину в Прибалтику, а выехали в Англию. Как ни странно, но отца Эдгарса, ведущего специалиста по электронным средствам постановки помех против систем наведения корабельных ракет, беспрепятственно выпустили из страны. Туманный Альбион с распростертыми объятиями принимал не только людей с темным прошлым, но и лучшие умы развалившейся империи. Может, не в таких количествах, как в США, но в портовом городе Плимуте, где устроился работать Баладис-старший, оказалось много специалистов со знанием русского языка. Так что большую часть своей жизни Эдгарс провел в Великобритании. После Лондона он никак не мог акклиматизироваться и практически все это время ощущал дискомфорт. Сухой и аномально жаркий климат российской столицы, тополиный пух, пробки к концу дня выматывали его «на нет».

На первом этапе работы в его задачу входило просто привыкнуть к Москве, притереться к людям, совершенствовать свои навыки в общении на русском языке. В то же время, отправляя его сюда, Мэйфилд говорил, что он должен вникнуть в работу на новом месте и отнестись к ней серьезно. В противном случае его некомпетентность может вызвать подозрение у настоящих сотрудников компании, а это провал, потому как он не исключал, что среди них есть люди, работающие на ФСБ. Поводом так считать было недавнее разоблачение сотрудника британской разведки. Он чудом избежал ареста и ретировался. Однако теперь репутация «GMB» в глазах русских спецслужб была подорвана, что обязывало действовать вдвойне осторожно. Эдгарс, насколько мог, изучил все необходимые документы, которые касались его деятельности, вник в специфику работы по своей должности. Рутинная надоедала. Ежедневно, к исходу дня, он должен был собирать, перерабатывать и сдавать начальнику уйму отчетов, касающихся продвижения товаров на российском рынке. Дела у компании шли в гору. Позади остался кризис, который, к удивлению Эдгарса, не особенно отразился на российской элите. Как раз наоборот – олигархическая верхушка умудрилась на нем еще больше разбогатеть. Зато это нельзя было сказать о периферии. По стране прокатился бум банкротства предприятий, без работы остались целые города. На этом фоне росла армия алкоголиков и наркоманов. Вымирал Дальний Восток, постепенно превращаясь в китайскую провинцию. Англичане пристально следили за экспансией восточного соседа русских и пришли к выводу, что если не поторопиться, то в будущем все лакомые кусочки будут заселены «желтой саранчой». Россия умышленно рубила сук, на котором сидела. Она повально сокращала на том направлении свои армии и бригады. Воздушный флот по количеству и качеству самолетов давно уступал Южной Корее, не говоря уже о других, более реальных угрозах. Отошла к Китаю часть стратегически важных островов на Амуре. Скучное финансирование сделало некогда самую охраняемую границу практически прозрачной. В русских словно была заложена программа самоуничтожения.

За размышлениями Эдгарс не заметил, как почти поднялся на свой этаж. Оставался один пролет. Сверху раздались торопливые шаги, потом женский вскрик:

– Ой! Мамочки!

Он ускорил шаг и вскоре увидел на площадке девушку. Держась за щиколотку, она сидела на корточках. В правой руке небольшая сумочка.

«Вот и первая ласточка от ФСБ», – с иронией подумал он, а вслух спросил:

– Болит нога?

– Кажется, подвернула, – подтвердила его предположение девушка, поморщилась, смешно оттопырила нижнюю губу и сдула со лба челку.

«Сейчас по закону жанра я должен пригласить ее в квартиру и вызвать врача, – стал он фантазировать. – Между нами завяжется бурный роман. Она наставит у меня везде где можно «жучков», будет поить по вечерам водкой и выпытывать секреты».

Однако дальнейшие события если и не опровергли его предположений, то, по крайней мере, заставили в них усомниться.

– Настенька, это ты кричала? – раздался откуда-то сверху женский голос. – Что случилось?

Девушка, которую называли Настей, выпрямилась и схватилась за перила.

– Все, мама, я, кажется, добежалась. Накрылась сегодня моя работа медным тазом.

– Я сейчас же пойду в ЖЭК и такое им устрою! – послышались торопливые шаги и тяжелое дыхание грузного человека. – Сколько они лифт будут ремонтировать?

На лестнице появилась полная женщина. На щеках нездоровый румянец, на голове, под платком, бигуди. Одета в халат и тапочки. Ноги в узлах раздувшихся от варикоза вен.

– Какой сейчас ЖЭК? – выдавила из себя Настя, пытаясь выпрямиться. – Уже вечер. Там днем-то никого на месте не найдешь.

«Неужели ошибся и это случайность? – удивился Эдгарс, доставая ключ. – Не может быть. Просто квартира куплена компанией несколько лет назад. В ФСБ узнали, что в ней будут жить граждане Великобритании, и поселили сюда своих агентов. Надо будет узнать, сколько они живут в этом доме».

Между тем женщина наклонилась и стала ощупывать голень дочери.

– Мама, не тут! – девушка двумя руками схватилась за перила.

Женщина обняла ее за талию:

– Я тебе помогу.

Неожиданно Эдгарса осенила мысль: «А что, если сделать вид, будто клюнул?»

– Подождите! – крикнул он и устремился следом. – Я помогу вам!

– Бросьте! – испуганно отмахнулась Настя. – Я сама!

Она поставила ножку на ступеньку выше и ойкнула. Неожиданно он увидел, что щиколотка правой ноги у девушки значительно толще левой. Ему стало неудобно за свои мысли о ФСБ. Одновременно он вдруг ощутил необычайный прилив сил и какой-то странной радости, сродни полету. Эдгарс вспомнил, что не раз видел маму Насти и ее саму. Но издалека, мельком. Во дворе, в лифте, на лестнице.

– Подержите, – он всучил портфель женщине, а сам присел, подхватил девушку на руки и как ни в чем не бывало направился вверх по лестнице.

– Что вы... Что вы себе позволяете?! – Настя вдруг уперлась ему в грудь кулачками. Лицо залил легкий румянец.

А между тем Эдгарс не узнавал себя. Задыхаясь от аромата женского тела, он вдруг ощутил странный трепет.

«Как жаль, что скоро будет ее этаж, – шагая по ступенькам, подумал он. – Пусть бы лестница не кончалась. Так и вбежал бы с ней на самое небо».

– Сюда, – мама Насти обогнала Эдгарса и бросилась к оставленным открытым дверям. – Проходите...

– Дальше я сама! – хныкала девушка, стыдливо пряча взгляд.

В это время мама распахнула сначала одни, массивные железные двери, потом вторые, деревянные.

«Странно, как она могла услышать крик на лестнице?» – Эдгарс вновь заподозрил подвох.

– Поставьте меня на пол! – потребовала Настя и смешно нахмурила брови.

Но Эдгарс развернул ее головой вперед и осторожно вошел в прихожую. Вокруг суежилась мама Насти, напоминая курицу-наседку, чем только мешала. Наконец они оказались в комнате. Эдгарс попытался уложить Настю на диван, но та осталась сидеть. Мама тут же сняла с нее туфли.

Эдгарс не удержался, присел перед девушкой на корточки и осторожно, большим и указательным пальцем надавил на припухшее место.

– Ой, зачем?! – Настя смешно поджала ногу. – Вы что, врач?

– Немножко, – улыбнулся Эдгарс. – Но надо вызвать специалиста. Надо рентген.
– Спасибо вам большое! – Мама Настя всучила ему портфель, потом ойкнула и выхватила его обратно: – Получается, будто я вас гоню. Может, чаю?

– Мама! – позвала Настя. – Нога.

– В другой раз, – заторопился Эдгарс. – Вам сейчас не помешает вызвать «Скорую помощь».

– Да, да, конечно, – часто закивала женщина, провожая его до дверей.

– У вас, наверное, хороший слух, – не удержался Эдгарс, решив посмотреть, как отреагирует женщина на его вопрос. – Через две двери не так легко услышать слабый крик. Или это материнское сердце подсказало, что ваш ребенок попал в беду?

– Что вы имеете в виду? – не поняла вначале, о чем речь, женщина и неожиданно улыбнулась: – Так ведь я снаружи была, на площадке! Двери протирала, – она показала на тряпку и ведро, стоящее в углу прихожей.

Заваривая кофе и поджаривая тосты, Эдгарс снова и снова мысленно возвращался к происшедшим на лестнице событиям. Неожиданно он понял, что, скорее всего, с этого момента его жизнь поделена на две половины. Одна, до встречи с Настей, серая и унылая, – и другая, которая началась после нее. Совсем незнакомая и такая манящая...

«Настя сказала, что на работу сегодня уже не пойдет, – стал размышлять он, усевшись за стол. – Наверное, она медицинская сестра, которая дежурит. Хотя нет. Она даже не предприняла попытки оказать себе первую помощь. Да и шла на работу вечером. Странно, какая у нее профессия? Может, она проститутка?» Однако Эдгарс тут же отогнал от себя эту мысль. Ни одежда, ни макияж не соответствовали его представлениям о женщине легкого поведения. Да и вела она себя скромно.

* * *

Антон медленно приближался к развалинам. Из трех поднявшихся с земли и державших над головой руки бандитов один оказался славянской внешности. Один из чеченцев был ранен в ногу. Играя желваками, он держался за плечо своего товарища. Трое остались лежать. Никак не отреагировал на предложение выйти наружу заползший в развалины дома толстяк.

С другой стороны к пленникам выдвигались Туман и Татарин.

Когда до бандитов оставались считанные шаги, русский вдруг резко нагнулся и схватил лежавший на земле автомат. Однако больше он ничего сделать не успел. Сразу несколько пуль прошли его тело. Охнув, он застыл на боку, неестественно суча ногами. Его дружки вздрогнули и присели. Джин с Шаманом подскочили к оставшимся бандитам, повалили их на землю лицом вниз и стали обыскивать. Стропа и Туман отбежали в разные стороны и заняли позиции с севера и юга от развалин. Никто не мог дать гарантий, что поблизости больше нет боевиков. Звук стрельбы мог переполошить и чеченскую милицию.

Татарин и Банкет осторожно прошли в дом. Вскоре оттуда послышался шум, и на пороге появился Банкет.

– Что у вас? – Антон посмотрел на него.

– Ранен, без сознания, – Банкет обернулся и снова посмотрел на командира. – Татарин его осматривает.

– Дрон, – позвал Филиппов, – доложи Родимову.

– Борт просить? – доставая трубку спутникового телефона, уточнил майор.

– Погоди, – Антон оглядел высоту, на которой заметил бандитов. – Надо точно убедиться, что больше в окрестностях никого нет. А то взлететь не дадут.

Он отыскал взглядом Тумана. Майор листал отобранную у бандитов записную книжку.

– Туман, – позвал его Антон.

– Я, – майор подошел ближе.

– Пройди с километр по их маршруту, – Филиппов показал взглядом в сторону высоты, на которой они в первый раз заметили бандитов. – С собой возьми Стропу.

– А Гушин? – насторожился Туман.

– Кого я в охранении оставляю? – вопросом на вопрос ответил Антон.

Осыпалась стена. Филиппов развернулся в сторону развалин, приготовившись броситься на помощь оставшемуся там наедине с бандитом Татарину, однако тут же опустил ствол «Винтореза». Придерживая бородачу за талию, доктор подводил его к выходу. Штанина на ноге бандита была обрезана, а колено сияло стерильной повязкой. Перетащив раненого через остатки порога, Татарин опустил его на землю и прислонил спиной к стене.

Тем временем Джин с Шаманом развели пленных в разные части поляны и стали допрашивать.

Антон присел перед бородачом на корточки. В нос ударил резкий запах немытого тела и чеснока. Пока группу интересовал один вопрос: какова численность банды и где остальные.

– Как тебя зовут? – спросил Филиппов.

Вместо ответа бандит отвернулся.

– В глаза смотри! – Татарин бесцеремонно взял его за бороду и развернул голову в исходное положение.

Бандит что-то зло прошипел.

– Ху ашу богх? – повторил вопрос на чеченском Антон.

Бандит никак не отреагировал.

Филиппов выпрямился и перевел взгляд на Татарина:

– Как у него колено?

– Инвалидом останется, – Татарин сплюнул на землю и тоже встал.

Антон наступил бородачу на повязку.

– Мм-ых! – с губ бандита сорвалась пена. Он побледнел, глаза округлились от боли.

– Тебе вопрос повторить или как?

– Моханнада мое имя, – на русском заговорил бандит.

– Откуда приехал? – догадавшись, что перед ним араб, задал Антон следующий вопрос и убрал ногу.

– Саудовская Аравия...

ПУ суфлировало всех, кто говорил, поэтому Филиппову пришлось наклониться к бандиту, чтобы лучше слышать его.

– ...почему сразу не сдался, почему стрелял? – хрипел наушник голосом Джина.

– ...последний раз спрашиваю, – в унисон ему раздался голос Шамана.

– Понятно, – Антон упер «Винторез» прикладом в землю. – Давно?

– Уже три месяца.

– Странно, – пробормотал Антон. По идее, информация об арабе уже должна была оказаться в распоряжении ГРУ. – Кто закладывал схрон?

– Не знаю, – покачал головой араб.

– Верю, – согласился с ним Антон. – Где собирались использовать пластит?

– На дороге, – араб пожал плечами, давая понять, что конкретного места пока нет.

– Хорошо, – Антон посмотрел на Татарина: – Пообщайся пока с ним.

Часть спецназовцев занималась допросом, часть уложила рядом убитых и осматривала их вещи. Остальные рассредоточились вокруг полянки, наблюдали за подступами.

– Как успехи, Джин? – глядя на чеченца, который о чем-то говорил с сидевшим у дерева пленником, спросил в микрофон ПУ Антон.

– Нормально, – ответил майор.

Антон подошел к нему и встал сзади. Джин задавал вопросы раненному в щиколотку боевику, тот бойко отвечал.

Бандиты не запирались. Быстро удалось установить, что здесь все. Командиром этого небольшого отряда, состоящего из двух русских, четырех чеченцев и одного араба, был чеченец по имени Тайрулло, которого убили в первые минуты боя. Все, кроме русских, араба и Тайрулло, до последнего времени жили со своими семьями. Один даже оказался из госслужащих – возил главу администрации. На прошлой неделе поступил сигнал, который обязывал собраться в условленном месте. Им оказалось давно оставленное людьми небольшое селение в предгорье. К назначенному времени пришли не все: из десяти человек Амиру подчинились только трое. Там уже их ждали командир и араб. Двое русских появились спустя сутки. Их привезли на белой «Ниве» без номеров люди Амира.

Убежденный в том, что на его вопрос ответ знает араб, Антон вернулся к развалинам. Бандит покрылся крупными каплями пота. Куртка была также насквозь мокрой.

– Он что, лапы решил склеить? – насторожился Филиппов.

– Обычная реакция в таких случаях, – со знанием дела ответил Татарин.

Он присматривал за арабом и одновременно наблюдал за подступами со стороны равнинной части.

– Ты меня слышишь? – Антон присел перед бородачом на корточки.

Тот едва заметно кивнул.

– Откуда в отряде взялись русские?

Бородач неожиданно уронил голову на грудь и замер.

– Чего это с ним? – расстроился Антон.

– Косит, – Татарин стволом автомата ткнул ему в забинтованное колено.

– Ах! – подскочил араб и заскрипел зубами. На шее от напряжения вздулись сизые вены, а глаза вылезли из орбит.

– Где ты русских подобрал? – повторил вопрос Антон.

– Приказ Доку Умарова взять с собой и ни в чем не отказывать, – прохрипел боевик.

– Это как понять? – не сообразил Филиппов.

– Эти русские на один месяц приехали, – араб с шумом втянул через стиснутые от боли зубы воздух, – должны устроить как минимум две диверсии.

– Откуда они?

– Из Москвы.

– Это что, очередные любители острых ощущений из богатеньких? – Антон невольно перевел взгляд на сложенные рядом трупы.

– Не знаю, – отрезал чеченец. Было видно, он просто выполнил приказ, беря их с собой. Кто, откуда и с какой целью эти люди здесь появились, не знал.

– Это Туман, – раздался в наушнике голос заместителя. – Маршрут проверил. Чисто.

– Понял, возвращайся, – приказал Антон.

– Ну что, борт вызывать? – спросил Дрон.

– Давай, – кивнул Антон и встал. – Приготовьте дымы, чтобы обозначить площадку.

* * *

Эдгарс Баладис сидел на кожаном диване в кабинета директора и наслаждался прохладой, которую подавала включенная на полную мощность сплит-система. Два часа он провел в пробке при неработающем кондиционере. Вернее, в машине, в которой он ехал, его совсем не было. На свою голову накануне Эдгарс изрядно набрался и сегодня добирался на такси. Поводом возлиания послужила обыкновенная тоска, накопившая после очередного возвращения в пустую квартиру. Ему уже скоро сорок; ни жены, ни детей... К тому же в ближайшей перспек-

тиве изменений в семейном положении не предвидится. Более того, теперь он вынужден жить в постоянном напряжении, в окружении врагов. В Англии Эдгарс имел возможность навестить родителей, провести выходные в обществе друзей. Там ему казалось, что еще все впереди. Семью и домашний уют он считал излишеством, которое пока, из-за специфики работы, не мог себе позволить. Хотя его коллеги по службе так не думали. Здесь, в России, он особенно остро почувствовал, что ошибался. Чем-то напоминая сам себе человека, выброшенного на заселенный лишь дикими зверями остров в океане, Эдгарс практически постоянно находился в депрессивном состоянии. Особенно это чувство усилилось после общения с Настей. Все чаще и чаще он мысленно возвращался к тому вечеру, пытаясь понять, какое впечатление произвел на девушку. Между ними была большая разница в возрасте и куча инструкций. Хотя в разведке были случаи, когда агенты, легализуясь, женились на гражданках той страны, против которой вели свою деятельность. Но это, скорее, исключение, чем правило.

За столом для совещаний юрист компании Юрий Круглов проверял текст договора об оказании охранных услуг, которые предстояло заключить с компанией «Риф».

– И все равно, – сухощавый брюнет в очках откинулся на спинку стула и посмотрел на директора, – не могу понять, чем хуже наши старые партнеры? С ними мы работали на протяжении семи лет. Никаких нареканий. Добились скидок...

– Ваше дело, господин Круглов, осуществлять юридическое сопровождение сделок, – строго напомнил Эл Торранс.

– Извините, – Круглов уткнулся в документ.

– Именно потому, что они так долго работают с нами, нужно их менять, – уже более мягче сказал Торранс. – Не обижайтесь, но Россия для нас чужая страна. Наша компания и деятельность под пристальным вниманием конкурентов. Вы, русские, не так страшны. Вас мало интересуют новые технологии и разработки в нашей области. Свои не внедряете. Но вот китайцы... За столь долгий срок они вполне могли найти подход и подкупить руководство охранной фирмы.

– Да, азиаты бессовестно копируют все лучшее, – поддержал директора Эдгарс, – а потом продают по ценам в два раза меньше. К тому же качество хромает. Вы в курсе, но они у себя практически всю военную технику русских производят?

– Извините, – юрист кивнул. – Я сказал глупость.

– Ну что вы, господин Круглов! – директор заулыбался. – Вы просто спросили, а я немного жестко ответил.

– В общем, я ознакомился с договором и не вижу оснований в его доработке, – наконец вынес свой вердикт Круглов.

– Вот и хорошо, – директор посмотрел на часы, потом на него. – Вы свободны.

– На какое время назначена встреча с русскими? – спросил Эдгарс, когда за юристом компании закрылась дверь.

– Они с минуту на минуту должны быть здесь, – директор протянул руку к селектору, но тот ожил раньше, чем он коснулся кнопки.

– Мистер Торранс, к вам господин Остряков, – объявила девушка.

– Пусть войдет, – Торранс метнул на Эдгарса осуждающий взгляд, встал, одернул пиджак. Эдгарс последовал его примеру, торопливо поправил галстук.

– Здравствуйте! – невысокого роста, коротко стриженный мужчина прошел в услужливо открытые секретарем двери.

Торранс вышел из-за стола навстречу.

– Рад приветствовать вас! – пожимая руку, улыбнулся он. – Как доехали?

– Нормально, – пожал плечами Остряков и вопросительно посмотрел на Эдгарса.

– Это наш сотрудник, Эдгарс Баладис, – спохватился Торранс.

– Я могу идти? – обменявшись с гостем рукопожатиями, спросил у Торранса Эдгарс.

– Да, конечно, я вас больше не задерживаю, – закивал директор.

Эдгарс вышел. Дело сделано, его представили заместителю директора «Рифа». Бывший комитетчик наверняка догадался, что их встреча не случайность.

– Что-то ты сегодня неважно выглядишь, – заметил шеф, когда он вошел в отдел.

– На меня плохо действует жара, – развел руками Эдгарс. – Никак не могу привыкнуть.

– Сейчас так везде, – цокнул языком шеф и прошел мимо.

Эдгарс уселся на свое место, пошевелил «мышью». Экран монитора засветился. Он оглянулся на коллег. Все были заняты работой. У него тоже накопилось несколько отчетов. Собравшись с силами, он взял трубку радиотелефона. Нужно было обзвонить представительства, собрать данные за неделю, сбить в таблицу и составить график. Как он не любил эту возню! Из-за жары ничего не клеилось. Люди на местах делали все в два раза медленнее и допускали ошибки. Вдобавок ко всему после обеда завис главный компьютер, и все долго ждали, когда системный администратор устранил неполадки. День показался вечностью. Но еще тоскливей становилось от того, что скоро придется повторить поездку домой по забитой машинами Москве.

Порог дома Эдгарс перешагнул, когда на город уже опустились сумерки. Улицы заливало светом фонарей, реклам, витрин магазинов. С мечтой о прохладном душе, чашке кофе и постели он разделся и направился в ванную. И тут в дверь неожиданно позвонили.

– Кто это может быть? – подумал он вслух.

Теряясь в догадках, накинул халат и направился в прихожую. Заглянув в глазок, удивился. На площадке стоял молодой мужчина в майке и шортах. Некоторое время Эдгарс размышлял, что все это могло значить. Наконец открыл замок.

– Ты англичанин? – Мужчина упер руки в бока и исподлобья уставился на Эдгарса.

– Что вы имеете в виду? – растерялся Эдгарс, разглядывая его лицо. – Вообще-то по национальности я латыш.

У незнакомца были болотного цвета глаза, прямой, слегка искривленный нос и бесцветные брови. Соломенного цвета волосы закрывали уши.

– Что имею, то и введу, – между тем проговорил мужчина и приблизился к Эдгарсу, буквально втолкнув в глубь коридора.

– Позвольте спросить, кто вы? – Теряясь в догадках, Эдгарс попытался выглянуть через плечо незваного гостя на лестничную площадку. Он вдруг подумал, что к нему пришли из ФСБ и сейчас будет обыск.

– Я жених Истоминой, – чеканя каждый слог, проговорил мужчина. – Зовут меня Влад.

– Какая Истомина? – ничего не понимая, Эдгарс часто заморгал глазами.

– Ты девчонку неделю назад на руках домой нес? – удовлетворенный впечатлением, которое оказал на Эдгарса, Влад уже вошел в прихожую.

– Ах да, Настя! – решив, что его пришли отблагодарить, Эдгарс расплылся в улыбке и часто закивал. – Да она подвернула ногу. Кстати, как Настя чувствует себя сейчас?

– А это не твое собачье дело! – Влад схватил его за халат и потрянул. – Еще раз увижу тебя рядом с ней, не посмотрю, что американец.

– Я английский подданный, – пролепетал Эдгарс, наконец догадавшись, зачем пожаловал гость. – И почему вы говорите: «Еще раз увижу»? Вы не могли видеть меня рядом.

– Ты не понял? – Влад навис над Эдгарсом.

– Но я не претендую на руку вашей невесты! – возмутился Эдгарс, одновременно чувствуя, что врет.

– Она на тебя претендует, – по складам проговорил Влад.

– Покиньте мою квартиру, – неожиданно спохватился Эдгарс. – По какому праву вы заходите без приглашения? Я сейчас вызову милицию.

– Да пошел ты! – с этими словам Влад положил ему на лицо свою пятерню и с силой толкнул.

Эдгарс полетел в глубь квартиры, однако стенка между выходом из кухни и зала остановила полет. Врезавшись в нее затылком, он словно разлетелся на сотни мелких кусочков, вмиг растворившихся в темноте.

Глава 3

Цепляясь руками за вмонтированные в бетонное основание куски гранита, Антон спустился почти до самой земли и спрыгнул. Несмотря на небольшую высоту, суставы отозвались болью. Еще бы, к тридцати килограммам боевой выкладки прибавился возраст. Чем ближе к сорока, тем тяжелее даются многие упражнения. Вот и полоса препятствий стала казаться испытанием уже на половине пути. Раньше он так уставал лишь к финишу. Может, просто сказалась жара и недавняя командировка? Ведь почти неделю провели в засаде. Только вернулись в Москву, а тут Родимову взбрело в голову уже на вторые сутки запустить их на полосу препятствий! Шесть километров по пересеченной местности с искусственными и естественными препятствиями. Лес, изобилующий сигнальными минами, водоем, подъем в гору, спуск, разрушенное здание, болото, которое в условиях засухи попросту стали заливать водой, искусственная скала... На всем протяжении маршрута в самых неожиданных местах появлялись цели. Вот и сейчас, когда после «скалы» руки ходят ходуном, а глаза заливают едкий пот, из зарослей кустарника поднялась ростовая фигура. Антон вскинул «Винторез» и дважды нажал на спусковой крючок. Мишень не падала. Что за чертовщина! Он лег на живот, прицелился и снова выстрелил. Теперь попал. Поднялся и бросился вперед.

Наушник хрипел голосом Дрона. Василию тоже было нелегко. А ведь он моложе. Значит, дело не в возрасте, просто устали.

Пробираясь через заросли кустарника, Филиппов в последний момент увидел натянутую в траве проволоку растяжки. Шаг получился длиннее, он упал. Тут же поднялся и оглянулся на Василия. Одного вида майора было достаточно, чтобы деморализовать врага. На фоне размазанного коричневыми и зелеными полосами грима лица бешеный взгляд и звериный оскал. Однако, увидев, что на него смотрят, Дрон нашел в себе силы, чтобы подмигнуть. Это дорогого стоило. Почти мгновенно чуть правее него раздался хлопок, и в небо устремились сигнальные ракеты. Все, точка, Дрон напоролся на мину. Теперь, независимо от результата стрельбы и времени пары поставят «незачет».

– Ну, что же вы так? – Родимов сокрушенно вздохнул, прошел вдоль строя спецназовцев и остановился. – Из пяти пар два «неуда».

– Исправимся, – ответил за всех Антон и оглядел строй. Грязь на разгрузочных жилетах успела подсохнуть, тогда как куртки под ними были еще мокрыми. По ногам, под штанами, стекали вода и пот. На фоне вековых сосен и елей группа напоминала леших.

– Знаю, что исправитесь, – кивнул Родимов. – Завтра повторим. А сейчас – привести себя в порядок, почистить оружие, и до утра свободны. Филиппов, ко мне!

Антон подошел к Родимову.

– Командировка измотала, – он виновато потупился. – Сами знаете...

– Я тебя не оправдывать позвал, – глядя вслед спецназовцам, направлявшимся в сторону городка, перебил Родимов. – Дело в другом.

– А в чем? – насторожился Филиппов.

Генерал выглядел озабоченным. Он заложил руки за спину и не спеша направился по едва заметной тропинке. Теряясь в догадках, Антон шел рядом. Набухшая влагой одежда нагрелась и неприятно прилипла к телу.

– Утром у меня был Линев, – стал рассказывать Родимов, перешагивая через валежник. – Личности большинства взятых и уничтоженных вами бандитов в ходе последней операции установлены. Действия отряда основаны на применении моджахедами новой тактики партизанской войны. В лесу – только костяк банды и связные. При получении приказа на активизацию действий живущие в селениях под видом мирных жителей моджахеды идут в лес и вооружаются. В вашем случае ядром были два человека, один из которых – арабский наемник

Моханнада. Откуда в банде русские, непонятно. Поначалу версии выдвигались самые разные. Основная: парни бежали из России, спасая свою шкуру от преследования милиции за совершение преступлений. Но, как оказалось, они не числятся среди находящихся в розыске преступников.

– Почему решили, что они из России? – удивился Антон. – Вполне возможно, что из той же Украины или Молдовы. Да мало ли?

– Уцелевшие бандиты в один голос утверждали, что они москвичи. В пользу этого говорит и найденная у одного из них фотография на фоне Ленинских гор.

– Он мог приехать в гости, – возразил Антон.

– Не перебивай, – нахмурился генерал. – Снаряжение на них было специфическое.

– Я на это тоже обратил внимание, – согласился Антон. – Но не факт, что только в Москве им торгуют.

– Не факт, – кивнул Родимов. – Подобные магазины есть во многих городах. Но шьют по спецзаказу только в столице.

– Не знал, – удивился Филиппов.

– У них, как и у вас, даже нитки особого качества, – пояснил Родимов. – Так что это не подделка. Их фотографии были разосланы по расположенным вокруг Чечни городам. Оперативники ФСБ и МВД на местах быстро проверили архивные записи с вокзалов. В результате чего было установлено: они приехали во Владикавказ поездом из Москвы. Дальше, как понимаешь, дело техники. Установили имена и фамилии, адреса прописки...

– В чем же проблема? – теряясь в догадках, спросил Антон.

За разговором они дошли до городка и уже направлялись по асфальтированной дорожке к общежитию.

– Дальше самое интересное, – генерал огляделся по сторонам, словно опасаясь, что их могут подслушать. – По указанным адресам жили люди с такими данными, но в разное время умерли в результате несчастных случаев.

– Так, – протянул Антон. – А их документы использовали эти проходимцы...

– Не угадал, – покачал головой Родимов, вконец заинтриговав собеседника. – У них новые паспорта, но с данными умерших.

– Совсем ничего не понимаю, – растерялся Антон. – Что все это значит?

– Документы такого качества никому не по силам сделать без помощи спецслужб. – Генерал остановился.

– Так, – снова протянул Антон, размышляя над услышанным. – А иностранные разведки?

– Эта тема под большим вопросом, – покачал головой Родимов.

– Значит, ФСБ проводила тайную операцию, о которой никто ничего не знал, а ГРУ ее сорвало, – Антон упер приклад «Винтореза» в землю. – Так?

– Возможно, – пожал плечами Родимов. – По крайней мере, мы об этом наверняка не узнаем.

– Хотите сказать, что смежники – ну, те, кто стоял за всем этим, – откажутся от своих агентов?

– А если это были вовсе не агенты? – прищурился Родимов.

– Это пахнет страшилками вроде тех, что уже были, – Антон на секунду задумался, восстанавливая в голове заголовки газет того времени, когда в стране начался бум взрывов домов и захвата заложников. – «ФСБ взрывает Россию...»

Они уже дошли до общежития.

– Федор Павлович, – неожиданно повеселел Антон, – а не может быть такого, что это наши?

– В смысле? – генерал со злостью сплюнул. – Ты думай, что говоришь!

– Я же пошутил, – расстроился из-за реакции генерала Филиппов. – Хотя таких направлений, как наше, в ГРУ...

– Вот что, – неожиданно громко перебил Родимов и посмотрел на часы, – переодевайся и дуй домой. Смотрю, от жары в твоей голове не совсем здоровые идеи стали появляться.

Антон вошел в фойе и направился было к лестнице на второй этаж, но тут из комнаты дежурной наперерез выскочила девушка в полевой форме и с эмблемами войск связи.

– Куда с оружием? – Она встала на пути, смешно раздвинув руки.

– Ну вот, – Антон улыбнулся. – Потом сдам.

– Не положено! – нахмурилась девушка. – И не отметились вы.

– Вы меня в свой журнал утром записали, – напомнил он.

– Потом выписала, – стояла на своем дежурная.

– Девушка, как вас зовут?

– Галина, – дежурная вдруг медленно опустила руки.

– Галина, – глядя прямо в болотного цвета глаза, заговорил Филиппов мягким голосом, – успокойтесь и идите к себе...

За группой Антона на случай особого периода были закреплены шесть комнат, каждая из расчета на двоих человек. Здесь имелось все необходимое, чтобы провести время. Телевизор, компьютер, настольные игры и небольшая библиотека. Также здесь спецназовцы готовились к занятиям, переодевались, приводили себя в порядок перед отъездом домой.

– Ты чего так долго? – спросил Дрон.

Он был в одних спортивных трусах и тапках. Волосы на голове майора были мокрыми.

– Шеф задержал, – Антон поставил «Винторез» в угол, туда же уложил разгрузочный жилет и стал разуваться.

– Что-то серьезное? – насторожился майор.

– Недоволен результатами контрольных занятий, – соврал Антон.

– А чего он хотел? – Дрон плюхнулся в кресло перед телевизором. – Не на курорт ездили. Да и условия сегодня идеальными не назовешь, – он перевел взгляд на окно. – Наверняка те, кто нормативы для нашей полосы препятствий разрабатывал, не знали, что скоро в России будет аномально жарко.

Антон открыл шкаф, взял полотенце и направился в душ. Долго стоял под упругими струями воды, размышляя над разговором с генералом. Выйдя спустя полчаса, застал Дрона за компьютером. Лицо Василия было не узнать. Щелкая мышью, он напряженно всматривался в экран монитора.

– Ты чего? – вытирая волосы, Антон зашел и встал сзади.

На экране, сменяя одну за другой, появлялись фотографии лейтенантов в парадной форме.

– Знаешь, – не отрываясь от своего занятия, заговорил Дрон, – меня не покидает ощущение, что одного из жмуrow я где-то видел.

– Каких жмуrow? – не понял Антон.

– В Чечне, славян, – пояснил Дрон.

– Это что, сайт училища? – Филиппов наклонился ниже. – Третий взвод второй роты... Омский общевойсковой институт? Ты хочешь сказать... – он не договорил.

– Вот! Точно! – объявил Дрон торжественным голосом и встал.

Антон оторопело смотрел на фотографию лейтенанта Кузнецова Олега Михайловича и не мог поверить своим глазам. Действительно убитый ими бандит имел поразительное сходство с офицером. Может, выглядел немного старше. В отличие от большинства офицеров, у этого не был указан ни адрес, ни телефон.

– Выпуск какого года? – Антон посмотрел на Дрона.

– Две тысячи шестой, – Дрон провел по голове ладонью. – После меня. Я просто так проглядывал альбомы других курсов...

– Вот что значит зрительная память профессионала! – не удержался и похвалил Антон. Однако майор лишь сильнее нахмурился.

– Что с тобой? – удивился Антон.

– Если это точно он, то обидно...

– Понимаю, – Филиппов похлопал его по плечу. – Надо срочно сообщить Родимову.

* * *

Эдгарс некоторое время не мог понять, где находится. Он тупо смотрел в потолок, который медленно кружился над ним, и прислушивался к своим ощущениям. Наконец вместе с болью в затылке вернулась память. Перед глазами встало разъяренное лицо Влада, вспомнился запах табака, когда ударил Баладиса по лицу, его потные ладони. Эдгарс медленно сел.

Как оказалось, дверь в прихожую была по-прежнему открыта. На площадке Эдгарс увидел женщину, с испугом разглядывающую его, и постарался улыбнуться:

– Недоразумение!

– Ничего себе недоразумение! – всплеснула руками незнакомка. – Иду мимо, гляжу, двери нараспашку, и вы лежите. Думала, убили... Кто это вас так?

Эдгарс, насколько позволяло его состояние, встал. Пол качнулся, а стена поплыла мимо. Он схватился за тумбочку.

– Вам плохо? – продолжала докучать соседка.

Баладис потрогал затылок, нащупав пальцами шишку, потом вставил ногу в лежащий на полу тапок, оттолкнулся от тумбочки и шагнул к дверям с намерением закрыть их.

– Здравствуйте, тетя Марина! – раздался до боли знакомый голос, и послышались легкие шаги сверху.

«Господи, это Настя! – ужаснулся Эдгарс. – Нельзя, чтобы она видела меня в таком состоянии!»

Он сделал над собой усилие и толкнул двери плечом. С минуту постоял, прислушиваясь к звукам на площадке. Тетя Марина, по всей видимости, рассказывала Насте о случившемся.

«Как нехорошо все получилось, – с тоской размышлял он. – Наверное, теперь у Насти будут проблемы. Но разве я мог поступить в тот вечер иначе?»

Эдгарс направился в ванную комнату, снял с крючка полотенце, сунул его под кран и открыл холодную воду. В это время в дверь позвонили. Сомнений не было: пожаловала Настя. Баладис приложил полотенце к затылку и посмотрел на себя в зеркало. Лицо было бледным, взгляд рассеянным. Нет, в таком виде он не станет девушке открывать! Однако Настя не унималась. Протяжные звонки сменились глухими ударами.

«А вдруг она вызовет милицию?» – неожиданно подумал Эдгарс. Он ни при каких обстоятельствах не хотел общаться с представителями власти. Зачем лишний раз попадать в поле их зрения?

Баладис бросил полотенце, вышел из ванной, подкрался к двери и заглянул в глазок. Стоявшая на площадке Настя нервно теребила пуговицу на блузке. Ему вдруг показалось, что он даже здесь ощущает тонкий аромат ее духов и тела. Голова вновь закружилась, а руки предательски затряслись. Только теперь это было следствием близости такой желанной женщины.

– Эдгарс, я знаю, что вы дома! – Настя уперла кулачки в бока.

Баладис едва открыл замок, как двери толкнули и в прихожую, словно фурия, ворвалась девушка. Она подскочила к нему, схватила ладонями лицо и заглянула в глаза:

– Что он с вами сделал?

– Кто? – Эдгарс прикинулся, будто не понимает, о ком речь.

– Влад, – пояснила она. – Этот негодяй был у меня и устроил сцену ревности, когда я ему рассказала, что вы помогли мне.

– Ничего страшного...

Эдгарс попытался улыбнуться, но Настя свела ему щеки, отчего губы сделались бантиком. Он понимал, что со стороны выглядит глупо, но прикосновения ее прохладных ладоней на лице были так приятны, что Баладис даже перестал дышать.

– Давайте я вызову милицию? – Настя обдала его горячим дыханием.

– Не надо, – Эдгарс наконец нашел в себе силы, взял ее за запястья и убрал руки. – Это же ваш жених. Я понимаю его.

– Кто вам сказал?! – Девушка разозлилась. На ее щеках появился румянец.

– Он так говорил, – пожал плечами Эдгарс, уже уверенный, что девушка к нему неравнодушна.

– Обманщик, – покачала головой гостья. – Ходит по пятам как собачка. Надоел уже. Никакой он не жених! – она смешно топнула ножкой. – Так себе. Живет в соседнем дворе. Пару раз на машине подвез – и возомнил неизвестно что...

– Тем не менее, – Баладис улыбнулся и развел руками, – он чуть не убил меня.

– Бедный Эдгарс! – Настя сложила у груди ладошки лодочкой и виновато надула губки. – Простите меня...

Эдгарса словно кто-то толкнул в спину. Он в прямом смысле потерял рассудок. Такого с ним никогда не было. Отчего-то уверенный в том, что своими действиями не оскорбит девушку, он шагнул к ней. Настя не сопротивлялась. Напротив, оказавшись в его объятиях, она безвольно опустила руки и запрокинула голову. Чувственные губки слегка приоткрылись, обнажив верхний ряд зубов. Баладис, казалось, растворился в поцелуе. Она едва слышно застонала. Испытывая страстное желание, Эдгарс подхватил девушку на руки и понес в спальню.

– Что ты делаешь? – выдавила она и закрыла глаза.

Баладис не узнавал себя. Совсем недавно он едва держался на ногах – и на тебе! Словно пушинку несет девушку по квартире и не чувствует ничего, кроме огромного счастья. Коснувшись спиной атласного покрывала, Настя выгнулась, обхватила его за шею и прижала к груди. Эдгарс не мог понять, как ему так легко удалось раздеть девушку. Он будто бы терял на мгновение сознание, погружаясь в какой-то волшебный сон. Это балансирование на грани реальности и ирреальности было вершиной блаженства. Покрывал лицо, грудь, живот Насти поцелуями и урчал от удовольствия, чувствуя легкие прикосновения ее пальцев. Они будто бы оказались в другом измерении.

– Я тебя полюбил, как только увидел! – прохрипел Баладис.

– Я – раньше, – не открывая глаз, она загадочно улыбнулась. – Именно таким я представляла настоящего мужчину.

Урча, он вошел в нее. Девушка напряглась. Эдгарс пришел в неописуемый восторг. Все вокруг куда-то исчезло. Они словно вознеслись над материальным миром в абсолютную пустоту, где оставались наедине друг с другом...

Измученный, но счастливый Баладис поднял голову. Ему казалось, что прошло совсем немного времени, а на самом деле уже рассвело. С улицы стали доноситься звуки просыпающегося города. Загремели трамваи, загудели машины. Ветерок пузырьком надул тюлевую занавеску на оставленной на ночь открытой балконной двери.

– Уже утро? – удивилась Настя.

– Угу, – подтвердил он.

– Так быстро? – Она томно потянулась и вновь обвила его шею руками.

– Все хорошее кончается быстрее, чем плохое, – сказал он.

– Разве это не начало? – девушка удивленно-испуганно заглянула ему в глаза.

– Нет, ты что? – Эдгар поцеловал ее в бровь. – Я не это хотел сказать. Просто не знаю, как проживу этот день без тебя. Ты же придешь вечером?

– Конечно, – она часто закивала.

Он снова поймал ртом ее губы, и все началось сначала.

В это утро Эдгарс впервые опаздывал на работу. Пусть не на настоящую, но ведь остальные сотрудники компании не знают об этом. Размышляя, что сказать боссу, он выехал с автостоянки и влился в общий поток автомобилей. По мере приближения к центру скорость падала. В конце концов Эдгарс встал. Начались мучения. Проезжая по несколько метров, машины снова останавливались. Баладис быстро скис. Несмотря на включенный кондиционер, его стало клонить в сон. Несколько раз он успевал задремать и просыпался от того, что напивавшие сзади начинали ему сигналить. До офиса оставалось проехать всего два квартала. Эдгарс посмотрел на часы. Одновременно на стоявшей впереди «Хюндай» погасли тормозные огни. Он отпустил сцепление и сильнее, чем надо, надавил на газ. Машина практически прыгнула вперед. Раздался грохот. Эдгарсу показалось, что ему по лицу с размаху залепили мокрой тряпкой. От удара сработавшей подушки безопасности в ушах зазвенело. Какое-то время он сидел без движений и даже не дышал. Белоснежный пузырь быстро сник. Глядя прямо перед собой, Эдгарс долго не мог нащупать замок ремня безопасности. Когда наконец он его отстегнул, в окно постучали. Он надавил на кнопку стеклоподъемника. Вместе с шумом заполненной самым разным транспортом улицы в салон ворвались вопли:

– ...урод гребаный! Ты где ездить учился?

Баладис потянул на себя никелированную ручку, открыл дверцу и поставил левую ногу на асфальт. В тот же момент из его глотки вырвался крик. Кто-то с огромной силой двинул с другой стороны дверцу и прижал ему голень. Он посмотрел в окно. Среднего роста крепыш, размахивая руками, материл его на чем свет стоит. Мимо медленно проезжали машины, водители и пассажиры которых с неподдельным интересом смотрели на аварию.

Эдгарс знал, как в России на дорогах выясняют отношения. Сам был свидетелем варварских разборок. Неожиданно его охватила злость. Он с силой толкнул дверцу и встал. Крепыш сделал шаг назад, оценивающим взглядом окинул его с головы до ног и попытался схватить за одежду на груди. Эдгарс левой рукой поймал его за запястье, а открытой ладонью правой толкнул в подбородок. Мужчина сделал назад гигантский шаг и упал, едва не оказавшись под колесами проезжавшего мимо автобуса.

– Ах ты, козел! – забияка с необычайным проворством вскочил на ноги и бросился на обидчика. Эдгарс захлопнул дверцу своей машины, намереваясь дать отпор. Однако больше ничего сделать не успел. В голове словно что-то лопнуло, и он оказался лежащим на спине. Было дико. В костюме, на глазах стольких людей... В следующий миг воздух застрял в легких от пронзительной боли в боку. Единственно, что он успел сделать, – это перевернуться на живот. После этого все погрузилось в темноту, которая еще какое-то время озарялась бледными вспышками.

* * *

Настя долго и тщательно мылась. Лежа в ванной, она снова и снова мысленно оказывалась в крепких объятиях Эдгарса. С трудом справляясь с растущим желанием, девушка в очередной раз стала тереть упругую кожу.

«Да когда же это кончится?» – ощутив новый прилив жара внизу живота, Настя бессиленно бросила мочалку в воду, наклонилась и выдернула сливную пробку. Пытаясь стряхнуть это наваждение, она попыталась подумать на отвлеченные темы. Но в голову ничего не лезло. Она страшно хотела повторения этой ночи. И не только с Эдгарсом. С кем угодно. Ведь дело было вовсе не в любви, а в препаратах и духах, которыми ее снабдил Иван Васильевич.

Одни вызвали сексуальное возбуждение, от которого даже бомж начинал казаться принцем из сказки, другие притягивали мужчин. Как сказал Иван Васильевич, если он намажет ими статую, то ее изнасилуют все, кто находится рядом. Поэтому сейчас она так старательно терла себя.

Настя встала, взяла лейку, сделала воду прохладнее, торопливо смыла с себя клочки пены и вышла из ванны. С минуту стояла, пытаясь привести мысли в порядок. Потом провела ладонью по запотевшему зеркалу. Убирая огромным полотенцем с тела влагу, Настя некоторое время разглядывала свое отражение.

«Интересно, а стало бы это все возможно, не будь этих чудодейственных средств? – неожиданно подумала она. – А почему бы и нет? Я красива, молода, сексуальна... Наверняка и без этих волшебных духов Эдгарс преодолел бы сегодня свою нерешительность».

Всего лишь каких-то пару месяцев назад Настя и ее мать едва сводили концы с концами. Пенсии и небольшой зарплаты медсестры в больнице едва хватало на оплату коммунальных услуг, лекарства да еду. Одежду они покупали на рынке, и самую дешевую. Нищета и чувство безысходности были причинами непроходящей тоски. А так хотелось праздника! Особенно это чувство обострялось, когда они с мамой по вечерам смотрели современные мелодрамы о красивой жизни и чудесном превращении современных золушек в принцесс. Но «принц» Настин, Лева Калинин, был из такой же неполной семьи, да ко всему еще и студент платного факультета. И жил он вовсе не в соседнем доме, как она наврала Эдгарсу, а в Солнцево. Роль жениха накануне сыграл человек, которого она видела всего два раза в жизни. Его задачей было устроить конфликт – и все.

В общем, жизнь Насти до определенной поры представлялась ей довольно невеселой. Сначала замужество слевой и смена фамилии с Истоминой на Калинин. Потом совместная жизнь в одной квартире со сварливой свекровью, рождение ребенка и, как это обычно бывает, конец сказки. Дальше – серые будни. Вечная нехватка денег, скандалы. Лева начнет пить, поднимать на нее руку. Потом, как его или ее отец, околеет под утро, не справившись с очередным похмельным синдромом. Она потолстеет, вкалывая за двоих, заработает кучу болезней, забудет, что такое счастье, и станет, как мать, жить одним днем. В какой-то момент Настя решила для себя – нет, она не будет повторять ошибки матери. Единственный капитал, который у нее есть, это красота. Но и проституткой она не станет, а просто обменяет это богатство на более-менее сносную жизнь. Слевой она не рассталась и не собиралась этого делать, заранее определив ему участь любовника в своей будущей жизни. Сама же принялась энергично искать богатого мужа. Но на ее пути так и не встречался богатый красавец, а в больницу попадали в большинстве своем обычные люди.

Однако все изменилось после того, как месяц назад после работы ее встретил уже немолодой мужчина, представившийся Иваном Васильевичем. Сунув ей под нос удостоверение полковника ФСБ, он без обиняков предложил высокооплачиваемую работу. Поначалу она испугалась, решив, что ей предложат стучать на врачей, которые за взятки лечат больных и дурят их с лекарствами. Однако все оказалось совсем не так. Иван Васильевич кратко ввел ее в курс дела. Настя давно знала, что в их подъезде живет иностранец, только и всего. Пару раз встречались на лестнице. Он был вежлив и всегда пропускал в лифт. Полковник рассказал, что это латыш, много лет назад вывезенный из России родителями. Теперь гражданин Англии Эдгарс Баладис прибыл для работы в одной из иностранных компаний. Иван Васильевич недвусмысленно дал понять, что Баладис представляет большой интерес для наших спецслужб, которые готовы хорошо платить за общение с ним. Настя согласилась. После этого еще пару недель в свободное от работы время она посещала расположенную в доме на Енисейской квартиру, где с ней проводили инструктажи и занятия. Некоторые уроки ее смущали. Настю учили соблазнять мужчину, поддерживать разговор, даже правильно вести себя за столом. Однако все делалось с таким расчетом, чтобы она не выделялась среди людей своего круга или, как любила

говорить одна из инструкторов, своего социального статуса, что может насторожить объект. Ее тренировали быстро устанавливать и снимать оперативные средства сбора информации, подмешивать психотропный препарат, в короткий срок обыскивать квартиру. Несколько дней ее учили следить за объектом и, наоборот, определять слежку и уходить от нее. Но главное – Настя должна была суметь втереться в доверие к иностранцу, не дать повода заподозрить ее в сотрудничестве со спецслужбами. Это у нее получалось с первого дня. Она действительно стремилась к западным идеалам жизни и была обижена на страну, которая не давала ей возможности достойно жить.

Природная сообразительность, память и сноровка позволяли Насте на лету усваивать материал. Как на одной из встреч признался Иван Васильевич, они долго выбирали из трех кандидатов девушку для работы, и он удовлетворен решением остановиться на ней. Настя оправдала надежды. Она и сама была довольна собой и в душе боготворила полковника и людей, которые с ней занимались. Еще бы! За короткий срок, как в сказке, она научилась рационально мыслить, быстро принимать решения. Это отразилось и на работе. В ее руках теперь все горело. Она с удивлением заметила, что с легкостью запоминает фамилии и имена больных, назначенные им лекарства. Конечно, дело было не только в обучении рациональному мышлению, но и в стимулирующих мозговую активность препаратах, о которых она когда-то слышала лишь краем уха.

...Настя сушила феном волосы, когда в дверь позвонили. Она заглянула в глазок и сморщилась. На площадке стоял Лева.

«Тебя еще не хватало», – подумала девушка, открывая дверь.

– Привет, – парень шагнул через порог, чмокнул ее в щеку и бесцеремонно разулся.

– Почему без звонка? – Настя вернулась к зеркалу и снова взяла фен.

– Ты что, куда-то собираешься? – Лев подошел и встал сзади.

Девушка склонила голову набок, направив струю теплого воздуха за ухо. Неожиданно Лева схватил ее за плечи и притянул к себе.

– Что ты делаешь? – она посмотрела на его отражение и ужаснулась.

Он уткнулся ей в макушку носом. Взгляд осоловел.

– Лева! – крикнула Настя. – Не сейчас!

– Почему? – Его рука скользнула за отворот халата. Пальцы приятно сжали сосок. Настя поняла: на обоих еще действуют эти невидимые феромоны. Что будет, если она потеряет над собой контроль?

– Отвали, – она бросила фен, вырвалась и направилась в комнату.

– Настя! – Лева шел следом и тяжело сопел. – Ну, ты чего? Я по такой жаре, через весь город...

– Некогда мне, – девушка рванула на себя дверцу шкафа, сняла с плечиков платье.

Он уселся на кровать, зажал коленями руки:

– У тебя кто-то есть?

– С чего ты взял? – испугалась Настя, однако внешне никак не выдала своей реакции.

– Просто, – парень пожал плечами. – Хочу тебя, аж голова кружится.

– В другой раз, – пообещала девушка.

Ей с трудом удалось избавиться от приставаний Левы. Мало того, что он хотел, – она с трудом сдерживала себя. Но этим не кончилось. В такси, на заднем сиденье, Настя то и дело ловила на себя похотливый взгляд водителя.

«А что, если использовать эти препараты не только для Эдгарса? – неожиданно мелькнула мысль, когда она, рассчитавшись с таксистом, вышла из машины. – Ведь все равно когда-то интерес к англичанину у ФСБ пропадет или он попросту уедет. Зачем тогда она будет нужна этой могущественной организации? С нее возьмут подписку о неразглашении и забудут. А

вдруг? – Она неожиданно встала. – А если после всего меня убьют? – В горле пересохло, а ноги сделались ватными. Однако она тут же взяла себя в руки: – Что за мысли!»

Иван Васильевич Горохов сидел за одним из столиков, выставленных на улице, рядом с кафе «Ромашка». Светлая рубашка с коротким рукавом, серые брюки и шляпа делали его похожим на обычного пенсионера. Людей здесь почти не было, лишь в углу тянули из высоких стеклянных кружек пиво два толстяка. Внимательно читая «Московские новости», полковник хмурил брови.

– Добрый день, – девушка улыбнулась.

– Настя! – делая вид, будто не ожидал увидеть здесь Истомину, полковник отложил газету в сторону, вскочил со своего места и выдвинул стоящий напротив стул: – Присаживайтесь! Что будете?

– Мороженое. – Она села.

– Официант! – позвал полковник скучающего у выхода парня.

Настя быстро достала из сумочки зеркальце, глянула на себя, снова убрала его обратно.

– Как настроение? – Иван Васильевич слегка подался вперед. – Вы прекрасно выглядите.

– Бросьте, – решила она пошутить. – Вы забыли, это просто так действуют ваши духи. Я с трудом отбиваюсь от ухажеров, напоминая сама себе сучку во время течки...

– Как вульгарно, – погрузнел полковник. – Вам не пошли на пользу занятия.

– Извините, – Насте стало неловко. И она потупилась.

– Будем считать, что это действие жары, – вздохнул он. – Впредь старайтесь не выказывать своих эмоций.

– Мне действительно много хлопот доставляет ваш парфюм, – попыталась девушка сгладить свою грубость. – То вещество, которое вы мне дали для его нейтрализации, вызывает ощущение сухости и зуд. Я час сидела в ванной, чтобы отмыться, а когда черти принесли моего парня, он едва не разорвал меня прямо в прихожей.

Иван Васильевич неожиданно беззвучно рассмеялся.

Тем временем официант поставил перед ней вазочку с мороженым.

– Вы очаровательны, – утирая слезы, выдавил из себя Иван Васильевич. – Лучше расскажите, как прошла ночь?

– Как и планировалось, он без ума от меня, – Настя срезала с белоснежного кома ложечкой стружку и отправила ее в рот.

– Он ничего не заподозрил? – не сводя с собеседницы взгляда, спросил Иван Васильевич.

– Точно нет, – на секунду задумавшись, покачала она головой.

– Предлагал продолжить встречаться? – засыпал полковник девушку вопросами.

– Горит желанием сегодня продолжить, – кивнула Настя.

– Вы осторожнее с духами, вас же учили. Смотрите по реакции. Иначе он заподозрит неладное.

– Я это уже поняла, – кивнула Настя. – Их нужно совсем чуточку.

– Значит, он без опасений пошел на сближение с вами? – еще раз уточнил Горохов.

– Нет, – покачала головой Настя. – В первый день осторожничал.

– В чем это выражалось?

– После того, как принес меня в квартиру, удивился, как мама могла услышать вскрик на лестнице через две двери.

– И что? – насторожился Иван Васильевич.

– Мама сказала, что мыла снаружи двери.

– Вы рассказали ей все! – ужаснулся Горохов.

– Нет, что вы! – покачала головой Настя. – Я просто после работы измазала их мелом. Написала про саму себя всякие гадости. Когда пошла в магазин, сделала вид, будто только увидела и сильно расстроилась. Набрала воды, вынесла в коридор. Но мама стала мыть сама...

– Как же вы рассчитали момент, чтобы не разминуться с объектом?

– Как учили, – она пожала плечиками. – Несколько дней наблюдала с секундомером в руках. Если он приезжал на метро, то к квартире поднимался через семь минут. Путь с автостоянки занимал на две минуты больше.

– А вы глазастая, – не скрывая одобрения, проговорил полковник.

– Кстати, лифт уже можно отремонтировать, – напомнила девушка. – Мама с трудом поднимается.

– Хорошо, – кивнул Горохов.

– Что мне теперь делать? – осторожно спросила Настя.

– Играть свою роль, – пожал плечами Иван Васильевич. – Вы влюблены и готовы ради него на все.

– Но у меня есть и своя личная жизнь, – следя за реакцией собеседника, девушка отодвинула опустевшую вазочку от себя.

Настя ни в коей мере не собиралась дать понять, что работа ей в тягость. Просто с мыслью о том, что теперь она может использовать спецсредства, чтобы устроить свою жизнь, у девушки появилась идея попросить увеличить свой гонорар.

– Когда мы обсуждали перспективы нашего сотрудничества, вы были согласны на определенные лишения, – напомнил с металлом в голосе Горохов. – И еще, мы не в детском саду, чтобы капризничать.

– Извините, – испуганно пробормотала Настя.

Глава 4

Дрон раскладывал на компьютере пасьянс «Паук», а Филиппов смотрел телевизор, когда в двери два раза стукнули и на пороге возник Линеv. В кепке-бейсболке, футболке и шортах он выглядел немного смешным.

– Наконец-то! – Дрон отодвинул от себя клавиатуру, приподнялся на стуле и пожал протянутую для приветствия руку Данилы.

– Чего так долго? – здороваясь с контрразведчиком, спросил Антон. – И что за секретность, Данила? Ты меня начинаешь пугать.

– Да нет, ребята, – Линеv развернул стоящий у стены стул к себе и сел. – Это вы меня напрягли.

– Чем, если не секрет? – Антон нажал на кнопку пульта дистанционного управления и отключил телевизор.

Данила вынул платок, снял кепку, вытер со лба пот и устало посмотрел на Антона:

– Отгадай с трех раз.

– А тут и отгадывать не надо, – фыркнул Дрон. – Просто лейтенант Кузнецов Олег Михайлович и уничтоженный нами террорист – одно и то же лицо.

– Ответ не полный, – поднял вверх палец Линеv.

– После выпуска из военного института данный офицер получил приглашение продолжить службу в военной контрразведке, – продолжил Антон. – Старый сценарий.

– Не совсем полный ответ, – в глазах Данилы мелькал азарт. – Год назад его выперли из нашей конторы.

– Чего так?

Филиппов не удивился. Ничего особенного он в таком развитии событий не видел. Парень явно не дружил с законом. В ФСБ быстро разобрались, что ошиблись с кандидатурой, и уволили. Он же продолжил свою криминальную карьеру.

– Знаешь, если бы я мог ответить на вопрос однозначно, то сказал бы по телефону, – признался Данила. – Только с Кузнецовым и мне не все до конца ясно.

– С этого места, пожалуйста, поподробнее, – Антон приготовился слушать. – Поясни.

– У нас ведь, сам знаешь, – чуть что, и за ворота. У этого же парня целый букет... – Линеv потер рукой шею, словно это помогало сосредоточиться. – Я не понимаю, почему ему дали накопить столько проблем. От пьянства до подлога – все.

– Подлог? – Дрон переглянулся с Антоном. – Вот дает!

– Задержался из очередного отпуска на месяц, а в качестве оправдательного документа представил липовую справку о болезни, – пояснил Данила. – По идее, его сажать надо было. Он же отделался увольнением.

– Любое уголовное дело на сотрудника – проблемы начальства, – резонно заметил Дрон.

– В том то и беда, что только за одно такое нарушение его должны были выставить за ворота...

– Может, папа – генерал? – выдвинул очередную версию Дрон.

– Папа – обычный инженер, – цокнул языком Данила и загадочно посмотрел на Антона.

– Ваша контора специально сделала из него исчадие ада, чтобы внедрить в преступную группу, – выдвинул предположение Антон.

– Угадал, – Линеv облегченно вздохнул, словно ему самому было страшно произнести это вслух. – По крайней мере, подумал точно так же, как я. Причем, если это так, работать он должен был с организацией, которая имеет большие возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.